

Вячеслав Штурм

Женить нельзя помиловать

Вот так увлечешься мимолетно, а потом – бац! –
появляется папа-маг, готовый назвать себя тестем.
И вперед! Ибо назад пути отрезаны...

Спящие Дубравы

Вячеслав Шторм

Женить нельзя помиловать

«Автор»

2005

Шторм В.

Женить нельзя помиловать / В. Шторм — «Автор»,
2005 — (Спящие Дубравы)

Потерять голову от любви к женщине – что может быть естественнее?
А если это не метафора? Если мимолетное увлечение заканчивается ссорой
с могущественным главой Ордена друидов, а спасение кроется лишь
в таинственном яйце феникса? Ну тогда – вперед, в неизведанный Дальне-
Руссианский Предел! Через Борзелиандский лес и Ущелье Хрюкающей
Погибели, опережая конкурентов, побеждая врагов и спасая всех подряд!
Ведь приговор окончательный и обжалованию не подлежит: «Женить! Нельзя
помиловать!»

Содержание

Пролог,	5
Глава I,	13
Глава II,	20
Глава III,	27
Глава IV,	31
Глава V,	36
Глава VI,	43
Глава VII,	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вячеслав Шторм

Женить нельзя помиловать

*Капитану Вацлаву Бурикову (леди и трудяге),
чудо-чаду Натусе (тихому и послушному ребенку),
Джозефу Мак-Грегору и Безумной Лори (образцовой семье),
Ольге (сестре-близняшке),
А.Э. Брандону (певцу и сочинителю),
а также Мушкетеру Плохой Рыбе, Шане Хорошей Рыси
и прочим мифологическим персонажам*

Пролог, в котором Великий друид Мунин Дубадам принимает непростое решение

Погожим ранним утром по Заповедному лесу, что лежит на востоке от королевства Рай-вэлл, летел здоровенный иссиня-черный ворон. Полет его был исполнен неторопливого достоинства, скорее присущего орлецу или еще какой-нибудь крупной хищной птице, которой он если и уступал размерами, то не сильно.

Лес давно проснулся и теперь полнился звуками и красками. Ворон озирает расстилающееся под его крыльями великолепие, и в его не по-птичьи мудрых глазах явно читалась гордость. И вправду сказать, вряд ли по обе стороны океана нашелся бы еще один уголок нетронутой дикой природы, способный сравниться с Заповедным лесом. Разве только тот, что занимал большую часть окутанного множеством тайн и легенд острова Спящие Дубравы, но этот уголок, между нами говоря, не мог считаться полноценным лесом. Было, правда, еще Лохолесье на дальнем западе, но ворон те места никогда особенно не жаловал. По сравнению с чудным, светлым, ухоженным Заповедным лесом сумрачное Лохолесье, с его болотами, непролазными чащами и уймой вредных (во всех смыслах) обитателей, всегда напоминало ему захламленный сарай. Сразу видно, что у тех мест нет хозяина – не считать же хозяевами полоумную семейку Ки Доттов, чей безобразный фамильный замок на северной опушке еще пуще портил пейзаж. Ни один уважающий себя друид, не говоря уж о капризных и любящих комфорт дриадах, таких соседей иметь бы не пожелал.

«Нет, – лениво размышлял ворон, блаженно прищутив глаз, – у нормального леса просто обязан быть нормальный хозяин, который о нем заботится. Такой, чтобы любой букашке-таракашке помочь был бы рад, с самым распоследним выдрокунсом поболтать готовый, любому дереву... Стоп! Это что такое?»

Возмущенно каркнув, ворон спланировал к могучему красавцу клену. Ну вот, пожалуйста! И на месяц отлучиться из дому нельзя! Экое паскудство!

На коре клена чем-то острым было глубоко вырезано: «Барби – супер!», и все это безобразие обрамляла кривая загогулина, по всей видимости олицетворяющая сердце.

С куда меньшей грацией ворон плюхнулся на траву рядом с деревом. Тяжело пропрыгал к стволу, воровато оглянувшись по сторонам – нет ли кого поблизости – и что-то гортанно прокаркал. Миг – и с того места, где он секунду назад сидел, поднялся представительный мужчина средних лет с густой, завивающейся колечками бородой, облаченный в плащ из птичьих перьев.

Склонив голову набок, Великий друид Мунин Дубадам смотрел на вырезанную фразу, и лицо его выражало нескрываемое омерзение. Подойдя к дереву вплотную, он тщательно вытер правую ладонь о плащ и наложил ее поверх возмутительной надписи. Затем друид

закрыв глаза, глубоко вздохнул и еле слышно прошептал несколько слов. Когда он отнял ладонь, от акта вандализма не осталось и следа.

– Дуба дам! – то ли пригрозил, то ли пожаловался Мунин, и клен согласно качнул кроной.

Полюбовавшись немного делом рук своих, друид присел, одновременно накидывая себе на голову полу плаща. Миг – и на траве вновь сидел матерый ворон. Расправив крылья, он проскакал несколько метров, пытаясь поймать воздушный поток, и наконец взлетел. Радужное настроение, безраздельно владевшее Великим друидом с самого утра, безвозвратно сгинуло.

«Это какая же дрянь так над кленом поиздевалась?! – мрачно размышлял он, взмахивая крыльями. – Куда дриады смотрели? Да и вообще, кто посмел шастать по Заповедному лесу?! Явно ведь пришлый напакостил. Совсем люди совесть потеряли! Видно, опять придется с ихним величеством потолковать...»

Примерно через пару километров, совсем рядом с домом, вновь пришлось спуститься. На этот раз Мунину даже не удалось с первого раза принять человеческий облик: от возмущения он прокаркал знакомое с детства заклинание с ошибкой и в результате получил свою голову, сидящую на тонкой длинной шее цапли. Постаравшись взять себя в крылья и немного успокоиться, Великий друид все-таки добился своего.

На полянку у чудного лесного озера невозможно было смотреть без слез. По центру ее чернела уродливая проплешина, причем, судя по несгоревшим поленьям, неизвестные вандалы не утруждали себя сбором сушняка и всюду рубили для костра живые деревья. Но это было не все. Полянка была просто усыпана мусором: огрызками яблок и груш, картофельной шелухой, какими-то бумажками, рыбьей чешуей, обглоданными костями, даже осколками стекла.

– Ой, дуба дам! – простонал друид, схватившись за голову. В сердцах топнув ногой, он простер руки к озеру и что-то повелительно выкрикнул. Зеркальная гладь озера на мгновение подернулась рябью, и на мелководье вынырнула миловидная девушка, казалось состоящая из переливающейся ярко-голубой воды.

– Куда смотрела, а? – грозно спросил Мунин, кивая на полянку. Наяда коротко пожала плечами и что-то мелодично прожурчала.

– Что значит «не мое дело»? А озеро, спрашивается, под чьей опекой? И не стыдно тебе – у самого, можно сказать, порога нагадили!

В ответе наяды явно послышались оскорбленные нотки. Брови друида медленно поползли вверх.

– Что-о-о?! Да ты понимаешь вообще, что несешь?! Как это «сам виноват»? Это я, который самолично с королем Райвэлла договор подписал о том, чтобы духу людей из Большого Мира в Заповедном лесу не было без особого приглашения? Я, который тут порядок наводил еще тогда, когда тебя, вертихвостки, и в задумке Творца не было?..

Тут Мунин осознал, что он разговаривает с существом, которое, несмотря на юный вид, старше его на пару веков, и смущенно покраснел.

– Ладно, ты... это... извини, – наконец проговорил он гораздо тише. – Погорячился. Лучше скажи – какая дрянь?!

Наяда коротко прожурчала что-то и с тихим плеском ушла под воду. Друид ее исчезновения даже не заметил. Полными ужаса глазами он смотрел на полянку и бормотал:

– Барби – супер! Барби – супер! Ох, дуба дам!..

Давным-давно только-только прошедшего посвящение зеленого друида Мунина угрозой поспорить с братом Хугином. Таким же зеленым, так же гордящимся посвящением и считавшим себя способным седалищем давить планеты и пинками гонять богов за пивом. Спор по грандиозности был под стать гонору братьев, по опасности не знал себе равных, а по глупости во много раз превосходил опасность. Мунин поклялся слетать в далекий южный город

Аламеф, за которым расстилалась Пустыня Ахов, разыскать среди песков чернокожего отшельника М'Чуринга и добыть у него семечко волшебного дерева Дубобаба. Хугин в ответ грозился соблазнить самую прекрасную и неприступную дриаду в Заповедном лесу – златоволо-сую Бритни. По этой крошке в прямом смысле слова сохло все живое в лесу, даже деревья, когда она проходила мимо, исподтишка тянули свои ветки, чтобы невзначай задрать и без того куций подол ее туники. Что уж говорить о друидах, а также о сатирах, наядах и прочей лесной живности... Но только вот красавица, как на грех, нисколько не походила на нормальную дриадку характером: не имела ни одного (!) любовника и вообще, если слухи верны, была девственницей. Одним словом, цели споривших одна другой стоили.

Ударив по рукам и условившись встретиться через год, братья со всем присущим им пылом принялись воплощать намеченное в жизнь.

Ох и проклинал себя Мунин на все лады, пока добирался до забытого не только богами, но и всеми, у кого есть хоть капля мозгов, Аламефа. Прямо-таки последними словами крыл. Мысленно, потому как в обличий ворона особенно не поразглагольствуешь, да и сил жалко. А силы, чтобы крыльями махать, ох как нужны, шутка ли – на другой конец света лететь. Опять-таки орлоны дикие над Морем Сапоговых реют (будь они неладны, безмозглые!) и все, что меньше их, сожрать норовят. Ужас, одним словом!..

И все-же по прошествии двух месяцев измученный друид приземлился в Аламефе. С недельку отдохнул, отъелся, силы восстановил, вздохнул тоскливо: «О-хо-хо, ведь дуба дам!» – и побрел по направлению к пустыне. Местные жители согласно кивали безумцу в спину и крутили пальцами у виска.

Впрочем, если не считать самого факта пари, дураком Мунин как раз не был и, что такое Пустыня Ахов, представлял прекрасно. По этой куче песка можно всю жизнь бродить, но так никого и не встретить. А где носит чернокожего подвижника, знает разве что местный бог со странным именем Безносый Белый Майк.

Взяв все это в расчет, молодой человек с относительным комфортом обосновался в маленьком оазисе на самом краю пустыни и принялся оный оазис трудолюбиво расширять. Для друида, даже такого зеленого, как Мунин, это особого труда не составляло. Медленно, но верно оазис рос, пустыня отступала, Мунин зверел.

И все же прошло почти два месяца, прежде чем перед изрядно обросшим и загоревшим друидом предстал М'Чуринг. Как хитрый Мунин и рассчитывал, чернокожего подвижника мало прельщала перспектива превращения его любимой пустыни в цветущий сад. Подвижничество подразумевало прежде всего аскезу, иными словами – отсутствие тени, воды и любой другой пищи, кроме вяленых скорпионов. Посему М'Чуринг был на незваного гостя сильно разгневан, топал ногами, вращал очами и грозился пооткусывать наглецу уши почище страшного демона Тайсона. Кто таков Тайсон и чем он страшен, Мунин не знал, но на всякий случай преисполнился благоговейного трепета. Потом пал на колени, усилием воли отключил обоняние, ткнулся лбом в босые и целую вечность не мытые ноги подвижника и заканючил. Прими, дескать, о жираф среди аскетов, мя в ученики. Я для того с другого конца мира к тебе пешком пришел, три пары сандалий адидасовых в хлам изодрал, три посоха из священного шаолиньского бамбука измочалил, три бигмака – тьфу, гадость, вспомнить тошно! – сгрыз. Прими, я тебе буду скорпионов ловить, пятки чесать и анекдоты скабрзные на ночь рассказывать, а коли в чем ослушаюсь, так секи меня аки козу Амалфею!

То ли на М'Чуринга повлияли якобы сгрызенные бигмаки – воистину, тьфу, тьфу и еще раз тьфу! – то ли захотелось скабрзностей на сон грядущий, но он согласился. И еще полгода Мунин таскался за чернокожим гуру по пескам, ахал (а что еще в пустыне с таким названием делать?!), бесчисленное количество раз проклинал брата, свою дурость и грозил небесам дать дуба. Заветное семечко Дубобаба было совсем рядом, лежало в сандаловой шкатулке, та –

в драной котомке, а котомку распроклятый чернокожий вечно таскал с собой, не выпуская из рук днем и кладя под голову ночью.

И вот на седьмой месяц, когда Мунин понял, что больше он такой жизни не вынесет, его наконец озарило.

С утра пораньше, оставив гуру медитировать в позе «витязь на распутье», молодой друид отправился якобы на ловлю скорпионов. К тому моменту вышеозначенные скорпионы уже стояли у Мунина поперек горла и он даже был согласен вместо них испробовать на вкус пресловутый бигмак, но разговор не о том. Убравшись подальше от лагеря, друид быстренько закопал в песок завалявшееся за подкладкой плаща еловое семечко и принялся над ним колдовать. Прокол-довав до полудня, Мунин быстренько наловил скорпионов и отправился возвращать подвижника с небес обратно на землю.

И вот сидят они, обедают, и тут ученик будто бы невзначай спрашивает учителя: «А что, гуру, может ли в нашей благословенной Пустыне Ахов елка вырасти?» Гуру аж скорпионом подавился. «Ты чего, говорит, ученичок, вконец на солнышке перегрелся? Какая, во имя Безносого Белого Майка, елка?! Тут и пальмы-то заггибаются!» Мунин на это отвечает: «Может, и перегрелся. Ловил я нынче скорпиончиков, ловил сердешных, и тут будто меня по темечку кто приложил. Плюхнулся я на песочек, в глазах потемнело, а как вновь прояснилось – глядь: стоит передо мной сам Безносый Белый Майк, в точности такой, как ты его мне описывал. Проскакал он вокруг меня трижды, схватил себя за место средоточения мужественности и провизжал тоненько, что выросла на востоке, в получасе ходьбы от нашего лагеря чудо-елка. Большая, зеленая, только вот вместо иголок на ней укропчик растет, а на самой макушке – большие, круглые, сладкие ягоды. Арбузы называются. И еще сказал мне бог: „Беги, ленивый, глупый Му, расскажи о чуде достойному подвижнику, любезному моему сердцу М'Чурингу, потому как если кто от ягоды-арбуза вкусит, тот всю мудрость мира враз познает“. И исчез. А я, признаться, позабыл совсем и...»

Даже не дослушав объяснений, гуру отшвырнул недоеденного скорпиона и припустил на восток со скоростью гончего тигропарда. Котомка с вожаденной шкатулкой гулко шлепала аскета по тощему задку. Мунин рысил следом, молясь про себя всем богам, чтобы его затея удалась, в противном случае обещая всенепременно дать дуба.

Боги не подвели.

Елка выросла – на загляденье! Высокая, стройная, она на несколько километров вокруг распространяла терпкий запах свежего укропа. У Мунина аж глаза с непривычки заслезались, а аскету хоть бы хны – стоит изваянием из черного дерева и не дыша на арбузы вожаденные пялится. Да вот незадача: те на самой верхотуре висят, куда хрен залезешь. Мунин и рта раскрыть не успел, как М'Чуринг снял котомку, положил бережно на песочек, потом подскочил к елке, схватился обеими руками за ствол, да ка-а-ак затрясет... Короче, когда счастливый Мунин в облике ворона улетал с сандаловой шкатулкой в клюве, великий гуру, засыпанный арбузами по самую курчавую макушку, начал только-только приходить в себя.

Обратно друид мчался так, что встречные орлоны только в стороны шарахались. Ибо что это за черный комок перьев несется – не разобрать, посему жрать его опасно, а на пути оказаться – тем более. Он ведь на такой скорости все перепонки насквозь прошибет, да так, что даже Праотец Рамфонрих с Праматерью Птеродактилью не залатают...

И вот на горизонте показался родной Заповедный лес, а вон и поляна заветная. Приземлился Мунин да как заорет: «Эгей, братец Хугин! Это я, Мунин! Вернулся!!!»

Тут же раздвигаются кусты орешника и на поляну Хугин выходит. Холеный, довольный жизнью, цветущий, что твоя фиалка по весне. «Здорово, говорит, брательник! Вернулся, говоришь? И что, неужто не с пустым клювом?»

«А то!» – гордо отвечает Мунин и заветную шкатулку раскрывает. Смотри, мол, на чудо чудное, семечко древа Дубобаба!

«Какое-то оно у тебя мелкое, – кисло говорит Ху-гин, – какое-то невзрачное. Может, надуть ты меня решил? Может, не Дубобаб то вовсе, а самая что ни на есть акация или еще какая пальма?»

У Мунина от слов этих обидных аж дыхание перехватило. Воткнул он молча драгоценное семечко в благодатную рыхлую землю аккурат посреди поляны, пошептал над ним да водичей ключевой из ручейка полил – тут-то из земли и поперло. И так резво поперло, что уже через каких-нибудь десять минут выросло в самом центре Заповедного леса дерево-исполн, по сравнению с которым самый высокий местный дуб – сушья шелупонь. Ох и знатное же будет жилище!

«Видал акацию?» – гордо спрашивает Мунин.

«Видал. И впрямь, типичный *Dubobabus Titanus Kvantperfectum*», – вынужден был признать брат.

«Ну то-то же! Теперь давай ты успехами хвастайся, если, конечно, есть чем хвастаться. Только учти: я тебе – хе-хе! – тоже на слово не поверю».

«Да пожалуйста, – отвечает Хугин, а потом оборачивается в сторону все того же орешника и нежно так шепчет: – Дорога-ая...»

Сейчас же раздвигаются кусты и на поляну выходит непокорная красавица-дриада. Вся такая из себя тихая, скромная, умиротворенная. С чудесным младенцем на руках.

«Вот, братец Мунин, – кивает на нее Хугин, – с женой моей ты, кажется, знаком, а племянницу твою Барбарой зовут. Аккурат полгода назад родилась».

«Соблазнил, значит?» – машинально спрашивает Мунин, глазам своим не веря.

«Ясен пень, соблазнил!» – кивает брат, а сам от самодовольства чуть не лопается. И тут Бритни брови свои прекрасные сдвигает и говорит: «Это кто еще кого соблазнил! Не верь ему, Мунин, брешет он. Да ежели бы я на него сама еще когда глаз не положила, он бы до сих пор за мной языком высунутым тропинки подметал!»

Мунина аж в пот кинуло. Схватил он брата за грудки, затряс: «Ты что же это, уговор нарушать вздумал?!»

«Какой уговор?» – тут же заинтересовалась Бритни. Хугин замялся, ладно, мол, дорогая, ерунда, потом как-нибудь... Но только Мунин вспомнил, как он полгода по пустыне шлялся, давился скорпионами да по сёсётому разу М'Чурингу анекдоты про Бравого Поручика рассказывал, и все как есть выложил.

Как услышала гордая дриада, что муж любимый из-за дурацкого спора в ее объятиях очутился, положила она молча спящую дочку на зеленую травку и припечатала суженого в челюсть так, что по всему лесу треск пошел. А после топнула ножкой точеной, колыхнула грудью пятого размера и исчезла с глаз.

Завыл тогда Хугин дурным голосом, запричитал, да поздно. День он Бритни по всему лесу искал, голос срывал, другой, а на третий пришел к дереву Дубобабу, поклонился низко Мунину и сказал: «Прости меня, брат! И правда, сшельмовал я, и правда, хитрее ты меня и искуснее, а я подлец и жучила. Да только видишь, жизнь меня сама наказала. Может, впервые я с Бритни и без любви лег, но потом-то полюбил по-настоящему. Да так полюбил, что теперь без нее и жизнь не мила. Ухожу я, Мунин, жену свою искать. Или с ней вернусь, или не вернусь вовсе. Об одном прошу: присмотри за племянницей, не дай пропасть!»

Расчувствовался Мунин, прослезился и пообещал брату воспитывать крошку Барби как родную дочь. Обнялись братья на прощание, расцеловались, а потом обратился Хугин вороном и улетел навсегда.

Вот так будущий Великий друид Мунин Дубадам приобрел самое главное сокровище и самую большую головную боль в своей жизни...

К Дубобабу был привязан драконозавр. Такой весь из себя нездешний, городской, от раззолоченной уздечки и дорогущего седла с клеймом «Ник Кожемяка и сыновья» до высокомерного выражения морды. Мунина аж передернуло. Но самое главное – входная дверь была заперта изнутри, и, судя по доносящимся откуда-то сверху ахам и вздохам, в ближайшие несколько часов никто ее открывать не собирался. Подержав немного за шнурок дверного колокольчика и не дождавшись эффекта, Великий друид грозно пообещал дать дуба и вновь обратился вороном.

Все окна тоже оказались закрыты. Наглухо. Даже окно в его рабочем кабинете, в который посторонним входить вообще категорически воспрещалось.

Спустившись обратно на землю и выпалив витиеватое ругательство, подслушанное у М'Чуринга, когда достойный подвижник пытался выбраться из-под арбузов, Мунин зловеще произнес: «Ну погодите же!» – и принялся колдовать:

Гидрид, сульфид,
Нитрит, пестицид!
Хлорофилл и перегной!
Друг за дружку встань горой!

Будем дерево качать,
Недостойных выгонять,
Призываю от души:
Ну-ка, дерево, пляши!

Сначала не происходило ничего. Потом ветви Дубобаба вздрогнули, зашелестели листвою, из земли показались могучие корни, и лесной исполин, поскрипывая, пустился в пляс. Мунин злорадно потер руки, услышав, как сладострастные звуки наверху сначала смолкли, а потом сменились воплями ужаса.

Через несколько мгновений распахнулось окно и показалась растрепанная голова девушки.

– Дядюшка Мунин! Прекрати!

– Ась? – Великий друид приложил руку к уху, мастерски изображая глухоту. – Чего?

– Хватит!

– Ничего не слышу!

Еще через пару минут широко открылась дверь и из нее кубарем выкатился молодой человек. Весь его костюм составляли щегольские кружевные подштанники, надетые задом наперед. Мунин отвесил незваному гостю изысканный поклон. Это окончательно добило незадачливого любовника. Влетев на спину очумевшего от ужаса драконозавра, парень что было сил всадил ему пятки в бока и погнал прочь. Вслед ему неслись издевательский смех Великого друида.

Полюбовавшись немного на позорное бегство пришельца, Мунин вытер набежавшие от смеха слезы, в последний раз хрюкнул: «Ох, дуба дам!» и прочел контрзаклинание:

Хватит, деревце, скакать!
Хватит корни задирать!
Наплясались? Ныне стой,
Словно лист перед травой!

Подождав, пока его живой дом вновь станет неподвижным, Великий друид степенно поправил на плечах плащ и ступил на порог.

Разумеется, после пляски внутри царил полнейший разгром, но даже такого аккуратиста, как Мунин, это не особенно смущало. Во-первых, игра стоила свеч, а во-вторых, он точно знал, кто именно всю ближайшую неделю будет наводить здесь порядок.

– Здравствуй, дядюшка Мунин!

В отличие от хозяина высокомерного драконозавра и кружевных подштанников, на девушке одежды не было вовсе. И каждая клеточка ее прекрасного тела обещала Великому друиду грандиозный скандал.

– Привет, Барби! – беззаботно отозвался Мунин, демонстративно не обращая внимания на тон любимой племянницы. – Ты бы накинула на себя чего-нибудь, а то, неровен час, простудишься... – и, не дав опомниться, продолжил: – Да и мне надо с дороги умыться-переодеться. Так что приходи через полчаса в мой кабинет – там и потолкуем.

Несколько мгновений казалось, что обнаженная красавица не сдержится и начнет разговор прямо сейчас. Но во взгляде Мунина Дубадама было нечто такое, от чего Барби лишь возмущенно фыркнула и, повернувшись так резко, что ее пышные волосы взвились вокруг головы золотистым облаком, побежала вверх по лестнице. Дядя, посмеиваясь, двинулся за ней следом.

– Пойми же, дядюшка Мунин, я – живой человек! Женщина!

– Ты не женщина! Ты дриада!

– Тем более! И не надо рассказывать мне про мою дорогую мамочку, которая блюла себя до брака и ни с кем, кроме папочки, ни-ни! Да оглянись ты вокруг: у любой уважающей себя дриады любовников полон лес!

– Во-первых, не смей говорить о матери в таком тоне! Во-вторых, не у любой, а лишь до замужества! А в-третьих, именно лес! Ни одна, как ты правильно заметила, уважающая себя дриада не опустится до того, чтобы путаться с забродами из Большого Мира!

– Нет, постой! По-твоему, если ухажер говорит с девушкой о чем-нибудь еще, кроме как о чудесных свойствах омелы или о том, в какой день лучше высаживать саженцы, а в какой сеять коноплю, как твои собратья-друиды, и если от него пахнет не козлиной шерстью, луком и перегаром, как от сатира, так он сразу заброда?! О противоестественных наклонностях наяд я вообще молчу! Пойми, дядюшка: твой разлюбезный Заповедный лес для меня тюрьма! Тюрьма, уже хотя бы потому, что он – Заповедный! И коли уж ты сам заикнулся о замужестве – пожалуйста! Выдай меня замуж! Но только за того, кого выберу я сама!

– Интересно, и кого же ты выберешь? – фыркнул Мунин. – Этого сморчка в кружевном белье? – Но сам вдруг подумал: «Чтоб я так жил! А ведь это выход...»

– Сморчка?... А, ты о Кире? Вот еще! Я в нем окончательно разочаровалась. Во-первых, он на язык оказался куда бойчее, чем на все остальное, а во-вторых, когда ты устроил эту свистопляску, бедняга тут же обо мне забыл и затрясся, как осиновый листок.

– Тогда кого же? – Мунин не отступал. Нет, он, конечно, любил племянницу, а поскольку воспитывал ее с пеленок, сам так и не женившись, то Барби для него была скорее дочерью. И все же при одной мысли о том, какой замечательной, тихой и спокойной жизнью он заживет, сбыв любвеобильную красотку с рук, у него сладко защемило сердце.

– Ну... – Девушка надула губки и погрузилась в раздумья. Поморщив лоб минут пять – Мунин прекрасно знал, что для нее это предел, – Барби села за письменный стол, пододвинула к себе лист бумаги и решительно обмакнула в чернильницу перо. Мунин сидел на диванчике в углу и с неподдельным интересом наблюдал за тем, как его своенравное чадо, от усердия высунув кончик языка, упражняется в каллиграфии. Наконец девушка бросила перо на стол и, помахав бумагой в воздухе, чтобы просохли чернила, вручила ее дяде.

– Уф! И как ты этим занимаешься часами?

– И что это? – поднял брови Мунин.

– Это? Это список претендентов на мою руку. Точнее, они, наверное, еще не знают, что они претенденты. Но если тебе кто-нибудь приглянется, то ты, в случае чего, его уговоришь. Ведь правда?

– Угу. – Мунин уже весь ушел в чтение, с трудом разбирая буквы: список содержал всего два десятка имен, однако почерк Барби оставлял желать лучшего.

– Ну как? – поинтересовалась девушка, когда Великий друид закончил чтение.

– Кошмар! Двадцать четыре орфографические ошибки!

– Дядюшка Мунин! Я серьезно!

– Я тоже! Твой, так сказать, брачный список нужно размножить и разослать во все королевства с припиской: «Перечень выдающихся прощелыг, авантюристов, бандитов и прочих антисоциальных типов». Взять хотя бы Плата Плато-Генетика.

– На вкус и цвет, дядюшка...

– Вот-вот. Хотя в случае с этим достойным господином я бы скорее сказал: «На запах».

– Не занудствуй. Допустим, я его буду по утрам опрыскивать духами...

– Опрыскивать? Да его в них надо вымачивать! И вообще, они тут у тебя один другого краше. Вот только этот... – Мунин уставился в список, – ...Бон Гейме мне что-то не знаком. Неужто ради разнообразия ты затащила в свою постель нормального человека?

– Если «нормального» в твоём скучном представлении, то нет, – обиженно надула губки Барби. – Впрочем, Бон... Я и сама не знаю, почему написала его имя. Наверное, просто для ровного числа. Хотя он вполне ничего и так здорово показывает карточные фокусы...

– Все ясно. Шулер, – покачал головой друид. – Барбара, ты несправима! Ладно, я принял решение. Мы устроим состязание между несколькими претендентами, и пусть победит сильнейший!

Девушка замерла на несколько секунд, а потом с визгом восторга кинулась к Великому друиду и, обняв, покрывла сотней поцелуев:

– Ой, как здорово! Дядюшка Мунин, я тебя обожаю! А мы увидим, как будет происходить это состязание? Дядюшка, ты что там шепчешь? Дя...

Но Мунин уже закончил заклинание. Девушка обвисла в его руках. Осторожно переложив ее на диванчик, Великий друид поправил упавший на лицо племянницы золотой локон и вздохнул:

– Я-то увижу, а вот ты, дорогая, вряд ли. Еще испортишь мне все удовольствие. Лучше поспи, красавица... Хм, спящая красавица... в этом что-то есть. Запустить, что ли, байку в Большой Мир?..

Он еще раз перечитал список и подчеркнул в нем три имени.

– Пожалуй, хватит. Плато-Генетик, Гейме и Рыцарь Неистойой Ласки. Ну и компания подобралась! И ведь каждого еще нужно отыскать, а я только-только вернулся домой. О-хо-хо, ведь дуба дам!

Через несколько мгновений здоровенный иссиня-черный ворон уже вылетал в окно. Великий друид Мунин Дубадам вышел на охоту...

Глава I, *в которой в наш дом приходят старые друзья и новые проблемы*

– Дела, Сэд, дела... – вздохнул гном, плеснув из пузатого кувшина в кубок. – Никуда от них не деться!

– С чего это ты стал таким занятым?

– А ты как думал?! Я ведь, между прочим, теперь такая шишка... – Мой приятель подбоченился и, закатав рукав, предъявил мне широкий золотой браслет, испещренный черными рунами. – Видал? Читай!

– Ты же знаешь, что я не читаю на вашем языке, – вздохнул я.

– Варвар! Ну так слушай.

Римбольд прокашлялся и начал торжественно декламировать:

– Друлл Стахан Долгобородый, сын Наира, сына Гаила, сына Ругера, сын Кирка, правитель великого, древнего и славного Гномийского княжества, наградил сим браслетом Римбольда Каменного Кукиша, сына Ульна, сына Плойна, сына Пендана, сына Ниокса за великие заслуги, оказанные князю и всему народу гномов, и повелел добавить к имени героя почетное прозвище «Податель Великой Радости», о чем на Колонне великих деяний, что стоит в тронном зале прекрасного Стоунхолда, выбита соответствующая фраза!

– Впечатляет, – кивнул я, когда гном перевел дух. – Правда, сдается мне, что на такой браслет влезло бы только перечисление, кто чей сын...

– Что?! – Борода Римбольда распушилась и встала дыбом, а взгляд прошелся по мне, как дубина тролля. – Ты что же, хочешь сказать...

– Да ладно, ладно, не кипятись! – поспешно замахал я руками. – Это же просто шутка.

– Дурацкая шутка! Есть вещи, над которыми нельзя шутить! Ни при каких условиях!

– Ну извини, я не знал, что для тебя это так важно. Лучше расскажи, как бывший изгнанник удостоился такой великой чести.

Я познакомился с Римбольдом почти два года назад. Тогда он, бывший придворный парикмахер князя Друлла, был изгнан из княжества за разглашение государственной тайны. Она же заключалась в том, что Друлл, словно в насмешку над своим гордым прозвищем, захворал самой унижительной для гнома болезнью: у него стала вылезать борода и он был вынужден носить искусно изготовленную накладку. При вынесении приговора князь заявил, что Римбольд может заслужить прощение, если найдет в Спящих Дубравах месторождение драгоценных камней под названием эйлоны. Неслабое желание, если спросите мое мнение, поскольку эйлоны так красивы и попадаются настолько редко, что самый невзрачный из них стоит во много раз дороже любого бриллианта чистой воды. Да что деньги! Некоторые, если мой приятель Бон Гейме не врет, на полном серьезе считают эти камушки застывшими слезами Замученной Девственницы.

В свою очередь, мы с женой (правда, тогда она еще не была моей женой и ничьей женой вообще) и все тем же Боном Геймсом плыли в Спящие Дубравы спасать Глориного папу, короля Гройдейла Лейпольдта XIV. Ну да, не удивляйтесь, мой тесть – самый настоящий король. Впрочем, сейчас он в отставке по собственному желанию, хотя это дела и не меняет. Ну так вот, как оказалось, спасать драгоценного тестя вовсе не нужно, он и так неплохо устроился: стал ни много ни мало Верховным Лесничим Спящих Дубрав! С моей точки зрения, это куда круче, чем любой король, поскольку королей в мире – хоть пруд пруди, а вот Дубравы и их Лесничий – товар штучный. Как бы там ни было, но история эта долгая и запутанная, хотя и не лишена занимательности. Кроме шуток – я слышал краем уха, что по ее мотивам какой-

то борзописец накатал целый роман с дурацким названием «Спящие Дубравы». Должно быть, переврал половину, шельма! Так что, если кто хочет подробностей, поспрошайте в книжных лавках.

Так это я все к чему: месторождение эйлонов в Дубравах и впрямь наличествовало, но их обитатели отнюдь не горели желанием видеть у себя в гостях толпы искателей сокровищ. А если эти обитатели чего-то хотят (или, как в данном случае, НЕ хотят), то они своего добиваются. Римбольда заставили поклясться Святыми Горами (а эту клятву еще не нарушил ни один гном), что он сохранит месторождение эйлонов в тайне. В качестве моральной компенсации Лесничий и Элейн вручили гному коробочку и приказали передать ее князю Друллу лично в руки.

Кто такая Элейн? О, об этой женщине я могу говорить долго и пространно... если, конечно, жены поблизости не окажется. Вы только не подумайте чего такого, они вполне себе дружат, и все такое. Но покажите мне хоть одну женщину, которой понравится, что ее муж хвалит в ее присутствии другую, тем более – говорит о ее красоте. А Элейн не просто красива – она ослепительна, восхитительна, бесподобна! К тому же невероятно умна и, по слухам, одна из самых великих магесс нашего времени. По крайней мере, те ее трюки, которые я видел, впечатляют. До появления в Дубравах моего тестя Элейн занимала должность Верховного Лесничего, но с радостью уступила ее старине Лейпольдту, а сама вышла за него замуж. В результате он получил замечательную жену, стабильную работу и практически неисчерпаемый источник магической энергии вкупе со всплеском собственных способностей, а она – обожающего ее мужа и возможность путешествовать по миру в свое удовольствие, поскольку Лесничий постоянно находится только в Дубравах и нигде более. Короче, обе стороны остались совершенно довольны.

Как бы там ни было, но в ответ на мою просьбу надутый гном буркнул под нос:

– Не расскажу!

– Расскажешь, расскажешь, куда ты денешься, – не согласился я.

Римбольд прищурился:

– А почему ты в этом так уверен?

– Да потому, что тебя просто распирает от желания рассказать об этом. И не только мне, но всем и каждому.

– Да ты... ты... – От возмущения мой приятель стал заикаться.

– Прав? – ехидно осведомился я. И как в воду глядел.

– Ты, конечно, помнишь ту коробочку, что вручил мне Лесничий? – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес Римбольд после секундной заминки. Я кивнул. – А если помнишь коробочку, то должен помнить и то, что мы с Элейн после этого немного поговорили на гномьем.

А ведь и верно! Мы с Боном, как единственные в компании, не знающие языка бородатых сквалыг, даже потребовали перевода, но получили решительный отказ и даже слегка обиделись. – Так вот. Добрался я до Стоунхолда, с трудом пробился к Друллу на аудиенцию и честь по чести все выложил. Ты бы видел его лицо! Аж фальшивая борода от изумления отклеилась и набок съехала! Впрочем, бороду все равно пришлось бы оттирать. В коробочке была какая-то густая мазь зеленого цвета и неопишуемого запаха. На словах же магесса велела князю дословно: «Намажь харю и возрадуйся!» Ну, поскольку Друлл – гном осторожный, то сначала он закатал рукав и весьма густо намазал правую руку от запястья до локтя.

– И что? – с интересом спросил я.

– А ты как думаешь? Разумеется, мазь моментально впиталась, и уже через пару минут десница Друлла была настолько волосатой, что обзавидовался бы даже тот монстр, про которого вы с Боном мне так вдохновенно ввали.

Под монстром Римбольд явно имел в виду Большого Волосатого Ы – существо, как принято выражаться, «дикое, но симпатичное». С ним мы познакомились, проезжая через Лохо-лесье по дороге в Спящие Дубравы.

Даже если гном и преувеличивал – а с него бы стало! – я не удержался и захохотал. Римбольд воспринял мой смех как должное и продолжал:

– Да, теперь нашему князю впору именоваться не только Долгобородым, но и Мохноруким. Впрочем, его это не сильно расстроило. В конце концов, руку можно время от времени брить, да и под одеждой дефект почти не заметен. Зато какая восхитительная борода выросла на княжеской физиономии, когда ее обработали чудесной мазью! Я, как искушенный парикмахер, мог бы долго о ней рассказывать, но ты все равно не оценишь. Как бы там ни было, но после такого подарка Друлл не только повелел раз и навсегда оставить ваш паршивый Гройдейл в покое, но и полностью реабилитировал твоего покорного слугу, вручив ему этот браслет.

Гройдейл – это маленькое королевство на востоке, совсем рядом с княжеством. Впрочем, когда-то давно Гройдейл входил в его состав, но потом через горы перевалило воинственное племя варваров-гройлов во главе с серьезным дядькой по имени Уг-Вот-С-Такими-Зубами. Впрочем, судя по легендам, «вот такими» у дядьки были не только зубы, но и все прочие части тела, а также тяжеленная двулезвийная секира, прозываемая «Гаплык». Все прочие гройлы если и отличались от своего вождя, то не сильно. Понятное дело, что против такого противника у гномов шансов не было. Изрядно уделав бородатых в нескольких больших сражениях, Уг сложил из черепов убитых нехилую пирамиду, а выживших оттеснил на север. На освободившихся территориях возникло поселение с незамысловатым названием «Гройлы тут», с течением времени превратившееся в королевство.

Гномы, надо вам сказать, существа отнюдь не злопамятные. Они просто злые, и память у них хорошая. Так что, хотя время шло и от Уга и его варваров остались лишь воспоминания, горный народ упорно не желал оставлять их потомков в покое. Войны гремели одна за другой почти семьсот лет, но ни одна сторона не могла окончательно взять верх. И вот совсем недавно, когда на троне Гройдейла восседал мой драгоценный тесть Лейпольд XIV (монарх, между нами говоря, так себе), его королевство едва не досталось бородатым вообще без кровопролития. Положение спасла лишь Элейн, лично заплатившая князю Друллу выкуп. Впрочем, сдается мне, одними деньгами дело бы не решилось, но из прекрасной магессы, если она не хочет, и слова не вытянешь...

Выслушав мои искренние поздравления, Римбольд поблагодарил и неожиданно вздохнул:

– Вообще-то, Сэд, – ты только никому не говори! – ты отчасти прав. Намоем браслете выбито: «Римбольд! Братан! Век не забуду! Друлл». Но уж на Колонну великих деяний нанесли все, что я тебе рассказал, честь по чести.

– Ну, тогда не велика разница! – великодушно согласился я, даже не скрывая улыбку. – А что было дальше?

– Дальше, – Римбольд мечтательно закатил глаза, – я, как доверенное лицо князя, мотался по всему матерiku с крайне секретными и ответственными поручениями. Суть их, разумеется, составляет государственную тайну, но ты и представить себе не можешь, сколько раз за это время я был на волосок от верной смерти! Какого мужества, ловкости и смекалки требовали от меня обстоятельства! Какие опасности подстерегали меня на кажд...

– Достаточно! – взмолился я, по опыту зная, что только дай этому болтуну волю, и он будет расписывать свои подвиги часа три.

– Ну вот, и слова не дает сказать! – недовольно буркнул мой бородатый приятель. – Ты, конечно, мне друг, Сэд, и все такое, но при этом начисто лишен совести! Мы ведь с тобой не виделись Пругг знает сколько времени!

– Не ворчи, это тебя старит! – Я слегка хлопнул гнома по плечу. – А моей совестью работает Глори.

Глори – это как раз моя жена, урожденная принцесса Глорианна-Теодора Нахаль-Церберская.

– Оно и видно! – фыркнул тот и демонстративно потер плечо. – Ну и ручища у тебя, долговязый. Теперь ведь синяк будет, как пить дать... М-да, а я ведь, между прочим, появился сюда по твою душу.

– Серьезно? А я-то думал, что ты просто соскучился.

– Ага! Держи карман шире! По твоей милой жене – кстати, до сих пор не пойму, что она в тебе нашла! – и впрямь соскучился, но что касается тебя, невоспитанный варвар... Впрочем, я, быть может, и прощу тебя, но потребую в виде компенсации за моральные издержки, чтобы меня накормили обедом. Прошу заметить: не каучуковой подметкой, которую в этой забегаловке втюхивают клиентам под видом мяса, а нормальным обедом. Как минимум – из четырех блюд. Десерт приветствуется.

– А то ты сам не знаешь, что Глори оторвет мне голову, если я не приведу тебя к обеду. Тем более что сегодня она собиралась печь твои любимые пирожки с ягодами.

– Да что же ты сразу-то сказать не мог?! – всплеснул руками гном. – Бессердечный ты всё-таки тип, Сэдрик! Если бы ты знал, сколько раз я, как волшебный сон, вспоминал чудесную стряпню Глори, когда жестокие клещи голода стискивали мой желудок, в то время как я пробирался, ежесекундно рискуя жизнью...

– Стоп, стоп, стоп! – поднял я руки, чувствуя, что гнома опять понесло. – Глори тоже наверняка желает услышать о твоих подвигах. Так что, если ты хочешь, чтобы я съел все пироги сам, то можешь сидеть дальше, а я пошел.

– Эх, не будь я так голоден!.. – Римбольд, притворно охая, встал, взвалил на плечо объемистую дорожную сумку и направился к выходу.

Не тут-то было.

Малыш Черч, бывший профессиональный костолом и хозяин трактира «Золотая кружка», в котором мы в настоящий момент находились, не зевал. С неожиданной для такого грузного тела проворностью он перегнулся через стойку и схватил гнома за шкирку.

– В чем дело?! – взвизгнул тот. – Мы торопимся!

– Ничего не имею против. Заплати за еду и кувшин вина – и можешь торопиться дальше, – ухмыльнулся Черч, подмигивая мне.

– Но я думал, что Сэд...

– Извини, приятель, но я, кажется, оставил дома кошелек, – с сокрушенным видом развел я руками, прекрасно поняв, откуда ветер дует.

Обреченно вздохнув, гном полез в карман и после продолжительного исследования его содержимого выложил на стойку две серебряные монеты. Однако Черч и не думал его отпускать.

– У тебя, кажется, плохо с арифметикой. Одна монета покрывает овощной салат, ростбиф, пшеничную лепешку и две большие груши. Но кувшин муската стоит две.

– Совершенно верно! – Даже в таком неудобном положении Римбольд попытался гордо подбочениться. – Но поскольку я выпил только половину, то и платить намерен только за половину.

Разумеется, я прекрасно знал, что отмазаться таким образом от хозяина «Золотой кружки» куда труднее, чем разжалобить бога смерти Контратия.

– Ничего не знаю. Заказан был кувшин, а сколько ты выпил – это твои трудности. Можешь оставить излишки здесь и допить в другой раз бесплатно, а можешь забрать с собой. Правда, во втором случае придется дополнительно оплатить стоимость посуды.

– Да за твою кислятину и одной монеты много! – И без того не отличавшийся мотовством, Римбольд перед перспективой таких трат совсем забыл об осторожности. Брови Черча угрожающе сошлись над переносицей, и мне показалось, что где-то далеко прогремел гром.

– Послушай, коротышка. Я весьма уважаю Сэда, он мой старый приятель и отличный сосед. Это единственное, что удерживает меня от наложения на тебя штрафа за беспочвенную хулу моего вина. – Тут трактирщик встряхнул гнома так, что зубы последнего звонко клацнули, а дорогой кафтан угрожающе затрещал по швам. – Но мое терпение небезгранично, и еще одно слово...

– Так бы сразу и сказал. И совсем незачем ругаться и портить хорошую одежду, – зачастил бородатый, моментально выложив рядом с двумя монетами третью.

Ручища Черча разжалась, и потерявший точку опоры Римбольд плюхнулся на зад.

– Ты не должен был позволять ему так обращаться с твоим товарищем, Сэд, – плаксиво протянул он. – Этот бугай чуть не испортил мой превосходный кафтан, который стоит дороже, чем...

– Что-что? – ласково спросил Малыш.

– ...чем кувшин этого превосходного муската! – тут же закончил гном, шустро вскакивая на ноги и прячась за меня.

– А-а...

Черч мигом потерял к Римбольду всякий интерес и протянул мне небольшой сверток:

– Пирожные для Глори.

Несмотря на все свои кулинарные таланты, такие лакомства моя жена в домашних условиях не приготовит. Впрочем, она считает – и тут я с ней абсолютно согласен, – что каждый должен заниматься своим делом: сапоги тачать – лепрехун, а пирожные печь – пикси.

– Спасибо, дружище. Вечерком заскочу и отдам деньги.

– Не за что. И можешь не торопиться. Ты же знаешь, твой кредит у меня неограничен, – широко улыбнулся трактирщик.

При этих словах лицо Римбольда налилось кровью.

– Кредит? Неограничен?! Ах ты, ах ты... ЖОПА! – взвизгнул он. Потом молниеносно плюнул в кувшин с недопитым мускатом, показал Черчу язык и стрелой вылетел за дверь, преследуемый по пятам нашим хохотом.

Большую часть дороги до нашего дома гном хранил оскорбленное молчание, но потом все же не выдержал, и мы помирились.

Наш дом – предмет моей особой гордости и зависти всех соседей. Конечно, обошелся он недешево, но после свадебного подарка Глориного папы мы могли себе позволить еще и не такое. Двухэтажный особняк утопал в зелени и цветах, а с застекленной веранды на втором этаже открывался дивный вид на окрестности. Одним из самых излюбленных наших занятий было сидеть там и, попивая что-нибудь вкусное, наблюдать, как багровый диск солнца медленно и величественно опускается за холмы.

Не успел я запереть за нами ворота, как раздался звонкий голос Глори:

– Глазам своим не верю! Римбольд! Изверг, Лака! Вы только посмотрите, кто к нам пожаловал!

– О нет! Только не это! – взвизгнул гном. Но было поздно.

На лужайку перед домом уже выскочили оба наших драконозавра, прекрасно помнящие Римбольда. А впереди них несли их сынуля Ветерок.

Драконозавр – самое распространенное ездовое животное в мире, совершенно вытеснившее капризных и изнеженных лошадей, на которых в наше время перемещаются исключительно бонзы, не знающие, куда девать деньги. Лошади проигрывают драконозаврам по всем

статьям: те гораздо умнее, неприхотливее и выносливее, к тому же абсолютно всеядны, а при должном обучении являются грозной боевой силой.

Ветерку скоро два года, и он унаследовал от обоих родителей все их лучшие черты. Ну, или почти все, хотя, что бы ни говорила Глори, любой мужчина должен иметь хороший аппетит, независимо от того, есть ли у мужчины хвост или нет. Кроме того, свое имя драконозаврик получил отнюдь не за красивые глаза. Каминную полку в нашей гостиной украшают уже два первых приза за победу в гонках, завоеванные им в честной борьбе. Если верить моему приятелю Вику, это еще цветочки. А уж коли Вик Полторы Руки, лучший знаток драконозавров по эту сторону Внутреннего моря, говорит нечто подобное, то будьте уверены – так оно и есть.

Невзирая на свои изрядные размеры – чувствуется папина кровь, что и говорить! – Ветерок еще ребенок, и поведение у него соответствующее. Пустившийся бежать Римбольд был мгновенно настигнут, сбит с ног, вывалян в траве, обнюхан и облизан от макушки до носков башмаков.

– Кхе-кхе! Тьфу ты, отстань! – пытался отбиваться гном, отплеываясь и откашливаясь от набившейся в рот травы. Но Ветерок, видимо решив, что с ним играют, еще пуще принялся тормозить свою жертву, восторженно повизгивая. Изверг и Лака смотрели на буйство своего чада со снисходительной гордостью и, на счастье Римбольда, не вмешивались.

Мы с Глори уже не могли смеяться и лишь судорожно всхлипывали, глядя на это уморительное представление. Наконец обессиленный гном понял всю тщетность попыток самостоятельно справиться с нашим расшалившимся любимцем и взмолился:

– Да уберите же его кто-нибудь! Он на мне живого места не оставит!

– Ладно, Ветерок, хватит! – вытирая слезы, крикнула Глори. Но то ли в голосе ее не хватало строгости, то ли драконозаврик пропустил ее слова мимо ушей – результат был нулевой.

И тут меня осенило.

– Ветерок! САХАР! – гаркнул, я.

Услышав магическое слово, драконозаврик тут же утратил к гному всякий интерес и потрусил ко мне, облизываясь в предвкушении лакомства. Охая и проклиная «неуклюжую тварь» (впрочем, без особого пыла, а скорее по привычке), Римбольд поднялся на ноги и принялся отряхиваться. Ветерок же тем временем потерся мордой о мою ногу и, вопросительно глядя мне в глаза, застучал хвостом по земле, говоря этим: «Ну и где?»

К счастью, в кармане фартука Глори всегда припасено несколько кусочков сахара – для подобных ситуаций. Мигом схрупав два из них, драконозаврик склонил голову и умильно посмотрел на хозяйку, явно выпрашивая добавки.

– Успеешь еще. – Моя жена ласково потрепала сластену по ушам. – Ты уже получил удовольствие, так что теперь очередь дяденьки Римбольда. Пирог как раз поспели.

– Богиня! – восторженно воскликнул гном, посылая ей пылкий воздушный поцелуй, и мы отправились обедать.

– Ну вот, заморил червячка! – произнес Римбольд почти два часа спустя, отодвигая пустую тарелку и блаженно откинувшись на спинку стула. – Нет, что ни говори, а ни один самый шикарный ресторан не сравнится с настоящей домашней кухней!

Тут он послал Глори очередной воздушный поцелуй и лстыиво добавил:

– Особенно если на кухне этой хозяйничает ты, моя золотая!

– Ох, Римбольд! Тебе бы лисой родиться! – улыбнулась она.

– Ну нет. Я вполне доволен тем, что родился Римбольдом Каменным Кукишем...

А теперь, если позволите...

Гнома прервал настойчиво зазвеневший дверной колокольчик в прихожей. Причем создавалось впечатление, что за звонившим либо кто-то гонится, либо он вознамерился напрочь оторвать шнурок.

– Входите, не заперто! – крикнул я, прикидывая, кому мы могли понадобиться, да еще так срочно.

Тем временем Глори принялась убирать со стола остатки обеда, то есть, учитывая дежурный постулат нашего гостя «чужой кусок вдвойне слаще», гору пустой посуды.

– Так что ты хотел нам сказать?

– Ну, к примеру... Бон?!

Мы с Глори моментально обернулись. Действительно, в дверях стоял наш старый друг Бон Гейме собственной персоной. Одежда его была покрыта пылью, волосы растрепаны, красные глаза, обведенные темными кругами, свидетельствовали о крайней усталости и регулярном недосыпе. Даже не поздоровавшись, парень плюхнулся на стул, отобрал у гнома недопитый стакан бренди и жадно осушил его до дна.

– Ребята! Кажется, я влип!

Глава II, *в которой все поочередно хватаются за голову*

Пока Римбольд вправлял выпавшую челюсть, а Глори хлопотала над близким к обмороку Боном, я быстро и незаметно выглянул в окно. Нет, все спокойно. Ни армии кровожадных варваров, ни разгневанного мага, плюющего концентрированной кислотой, ни даже какого-нибудь захудалого киллера, посланного мужем-рогоносцем, на подступах к нашему дому не наблюдалось. В безоблачном небе не реяли драконы, земля не дрожала под мерной поступью троллей, и клубы пыли со стороны Райской Дыры, сулящие непонятно что, тоже не вздымались.

– Бон!

Ноль внимания.

– Бон!

Ноль внимания.

– Роден Гейме!!! К вам граф Чудилло!

– А? Где?!

Ну, слава богам! Видимо, имя, данное ему при рождении, парень все-таки помнит, равно как и имя отца. Впрочем, по некоторым причинам и к имени, и к старику графу Бон питает не самые нежные чувства.

– Дома, – лаконично ответил я на последний вопрос – Чай пьет.

– Какой чай? – не понял тот.

– А я почему знаю? Какой он у тебя любит?

– Никакой не любит. Он его вообще терпеть не может.

– Ну и ладушки! Пришел в себя?

Бон помотал головой, но не отрицательно, а скорее неопределенно. Тогда Глори подсунула ему стакан, наполненный из заветной бутылки с третьей полки бара. Парень машинально отхлебнул раз, другой. На третьем глотке его проняло. Лицо нашего приятеля налилось кровью, из глаз потекли слезы, и он зашелся в приступе кашля. Все-таки неразбавленный девяностоградусный жоxx – сильная штука!

Откашлявшись, Бон быстро прикоснулся к своей шее, зачем-то замотанной черным шелковым шарфом, и посмотрел на нас куда как более осознанно:

– Привет, ребята! Очень рад вас видеть.

– Привет! Ох и напугал же ты нас!

– Простите. Но дело и впрямь крайне серьезное.

– Излагай, – милостиво кивнул Римбольд. Бон устало потер виски:

– Такое в двух словах не расскажешь...

– Отлично! – безапелляционно заявила Глори. – Раз разговор предстоит долгий, то для начала ты отпавишься мыться, потом переоденешься во что-нибудь чистое, поешь, отдохнешь...

С этими словами она положила парню руку на плечо и случайно задела его шарф. Бон – и откуда только прыть взялась? – подскочил на стуле и заорал:

– Не трогай!

– С каких это пор ты стал таким неженкой? – нехорошо прищурилась моя жена и неожиданно рывкнула: – А ну снимай!

Бон затравленно огляделся:

– Что... снимать?

– Вот эту черную тряпку.

Отшатнувшись от вытянутого в его сторону пальца, будто это боевое копьё, парень молча помотал головой.

Но Глори такими штучками не проймешь.

– Сэд! – скомандовала она. – Держи его!

Прыжок Бона был достоин оленя, но одно из свойств моего телосложения заключается в том, что я без труда способен запечатать практически любой дверной проем, за исключением разве что городских ворот. А зачем в нашем доме городские ворота? Короче, я крепко, но бережно обнял Бона, оторвав его ноги от земли, и прижал к своей груди, парализовав любое движение. Парень был способен лишь наблюдать круглыми от ужаса глазами, как Глори с неотвратимостью Старичка Контратия приближается к нему, а потом, насвистывая что-то беззаботное, начинает разматывать черный шарф.

Наконец почти невесомый, но плотный шелк упал на пол. Бон взвизгнул и зажмурился, Глори изумленно приподняла брови, Римбольд присвистнул, а я... разумеется, ничего не увидел, поскольку держал парня затылком к себе. Поскольку ни жена, ни гном не спешили делиться со мной увиденным, пришлось поставить Бона на пол и, придерживая за плечо, чтобы не сбежал, развернуть к себе лицом.

Мама моя!

В межключичной впадине парня сиял... А-а, боги его знают, что это такое. Такая гладкая, выпуклая, округлая штука, больше всего напоминающая каштан. Вся беда в том, что штука эта не висела на цепочке или шнурке и не была вделана в ожерелье или шейную гривну.

Она росла прямо из кожи!

От изумления я даже выпустил плечо Бона. Правда, парень был настолько раздавлен всем происходящим, что даже не пытался бежать. Он просто сел на пол и закрыл лицо руками.

Не знаю, что почувствовали Глори и Римбольд, но мне стало стыдно.

Часа через два вымытый, накормленный несусветными деликатесами (я даже был не против смотаться за ними в город, а заодно расплатился с Черчем за пирожные) Бон сидел у камина, утонув по самые уши в моем любимом купальном халате, и прихлебывал горячий шоколад. Шея парня была вновь замотана пресловутым шарфиком, который Глори даже ухитрилась выстирать и высушить, пока его владелец отмокал в горячей воде. Мы втроем расселись полукругом лицом к Бону и терпеливо ждали. Наконец он отставил кружку в сторону, вздохнул и начал свой рассказ:

– Месяцев семь назад я был в Райвэлле. Скажу сразу: туда меня вытащило письмо от Робина. Парень многозначительно замолчал; мы так же многозначительно покивали. Робин, о котором упомянул Бон, – это наш босс Робин Бэд, глава КГБ. А КГБ расшифровывается как Комитет государственных безземельников и является самой таинственной и одной из самых богатых организаций нашего мира. Штаб-квартира Комитета находится в портовом городе-государстве Паррис на берегу океана по ту сторону Внутреннего моря, но его щупальца оплели большую часть мира и с каждым годом захватывают все новые и новые территории. На Комитет работает (и далеко не всегда зная об этом) уйма народа практически всех рас, ему принадлежат (неофициально, разумеется) земли и здания, рудники и шахты, предприятия и банки, флоты и армии.

Мы вступили в КГБ не совсем по своей воле. Если быть точным, нас к этому вынудили обстоятельства. Правда, за все прошедшее время мы ни разу не пожалели о своем решении. Никто из нас не занимался ничем предосудительным: ну, получали некие вещи или бумаги у одних лиц и передавали их другим, узнавали кое-какие сведения, закупали опытные образцы предметов и субстанций, зачастую зная лишь их названия, и тому подобное. Конечно, отдельные госструктуры могли бы расценить наши действия как промышленный шпионаж, но все было организовано настолько тонко, что не подкопаешься. Ну и наконец поручения Робина

вносили в нашу жизнь некоторую новизну и необычность, а оплачивались всегда своевременно и крайне щедро.

– В письме говорилось, – продолжал тем временем Бон, – что через какое-то время в столице королевства появится некий Ен Рикс, вольный старатель. Он нарыл где-то в горах изрядно золотишка и, что куда важнее, попутно открыл месторождение очень перспективного щелочного элемента. Потом официально зарегистрировал его на свое имя, а теперь собирался продать концессию райвэллскому правящему дому. Разумеется, Робина, у которого на открытие Рикса были свои виды, такое положение дел не слишком устраивало. На наше счастье, старатель, как и большинство из их братии, по натуре оказался страшно азартным человеком. В письме же Робина помимо всего прочего оказалась хитрая магическая формула. Как только я произнес ее, то сразу стал обладателем полного досье на объект, собранного в Комитете, включая исчерпывающий словесный портрет, особенности характера, симпатии, антипатии и даже его детское прозвище. С такими данными мне осталось лишь прибыть в Райвэлл на пару днейков пораньше Ена и начать трудолюбиво обшаривать святилища Ссуфа.

Святилищами Ссуфа в народе зовутся игорные дома. Это логично, поскольку из всех богов именно Ссуф Игрок покровительствует всем, кому не прожить без удачи. А наш Бон – настоящий виртуоз игры. До того дня, когда он очень вовремя подвернулся нам с Глори в Хойре, незаконнорожденный потомок графа Геймса, как и множество его соотечественников, зарабатывал на жизнь как профессиональный игрок. Конечно, после официального включения паевого товарищества «Глори и К°» в состав КГБ, а также прощального подарка моего тестя Бон играет уже не ради хлеба насущного, а просто для удовольствия, чтобы не потерять мастерство. Но Робин Бэд не был бы Робин Бэдом, если бы позволил любому таланту, тем более такому специфическому, оставаться в забвении, если его можно применить на пользу дела.

– Итак, после трех дней веселой расслабухи я нос к носу столкнулся с объектом на пороге самого шикарного святилища Ссуфа в городе – «Пурпурного грифона». Ен был уже слегка навеселе и целеустремленно двигался в направлении карточного зала. Я, само собой, потопал за ним следом. Потом элементарно вклинился в разговор достойного старателя с каким-то типом, расслышав имена «общих знакомых», немного поболтал о том о сем и в паре с Риксом сел играть в «короля и шута». Скажу не без гордости – в тот вечер мы разделили под орех всех противников! Причем мне пришлось пустить в ход все свое мастерство, чтобы и у противников, и у крупье в зале не возникло и тени сомнения, что здесь что-то не так. Мы загребли уйму денег, тут же, в ресторане, отметили славную победу и знакомство и ближе к утру были уже добрыми приятелями. Разумеется, Ен похвастался своими достижениями на ниве разведки полезных ископаемых и поведал мне о планируемом визите в Райвэллскую королевскую геологоразведочную компанию. Я как можно небрежнее выразил сомнение в том, что там достойного старателя не обдерут как липку, и поинтересовался, в какую сумму он бы оценил открытое месторождение. Услышав ответ, я понял, что, во-первых, Ен Рикс не совсем понимает, что же он открыл, и, во-вторых, он мой с потрохами. Короче, уже к вечеру я познакомил Рикса с «одним отличным малым», и счастливый старатель подписал купчую на концессию за сумму, в три раза большую ожидаемой... и примерно в четыреста с хвостиком раз меньшую, чем она стоит реально. Я же получил положенные двенадцать процентов от суммы сделки и личную благодарность от главы местного отделения Комитета за блестяще проведенную операцию.

– Действительно, сработано четко, – хором признали мы. – Но при чем тут...

– Я как раз к этому подхожу. Во время моего разговора с Еном тот упомянул о Заповедном лесе на востоке Райвэлла.

– Есть такой, – кивнул я. – Но, по-моему, хотя на картах он и входит в состав королевства, Его августейшее величество Недолёк Третий там власти не имеет.

– И да и нет, – хмыкнул Бон. – Де-юре лес – владения короны, но де-факто он сдан Зеленому ордену друидов в аренду на пятьдесят лет. И пока они не истекли, ни один чужак

не имеет права пересекать границы леса без приглашения одного из его обитателей. Недолёк, разумеется, бесится, поскольку полученные за аренду денежки ныне покойный родитель потратил еще до его рождения, а лес – это уйма возможностей для обогащения, но кому охота прослыть на весь мир клятвопреступником и поссориться с Орденом? Правда, король неоднократно заявлял во всеуслышание, что через два года срок аренды истекает и если друиды захотят его продлить, то должны выложить за следующие пятьдесят лет как минимум четверть миллиона.

– Ого! – восхитился я. – Вот это называется «королевский аппетит»!

– Точно, – подтвердил наш друг. – Но жадность Недолека и бедственное положение друидов меня в данном случае не колышут. – Парень немного помолчал, подергал свой шарфик и неожиданно злобно заявил: – А впрочем, колышут! Надо посоветовать их величеству содрать с поганцев не четверть миллиона, а целый! Или даже – два!

– Все ясно! – всплеснула руками Глори. – Так это они?

– Не «они», а «он», – насутился Бон. – Глава Зеленого ордена Великий друид Мунин Дубадам!

Я непроизвольно схватился за голову. Что и говорить, наш Бон мастерски наживает себе опасных врагов. Конечно, друиды – ребята, в сущности, мирные, если их не обижать и бережно относиться к природе, но уж если разойдутся, то могут и Грыбочек напустить...

– И чем же ты так прогневил Великого друида, горе мое? – вздохнула Глори. – Ромашки без счета драл или букашек мучил?

Бон густо покраснел, потупил взор и пробурчал:

– Никого я не мучил! Да я и не знал, что она... Римбольд схватился за голову и простонал:

– Так, он уже заговариваться начал! Какая, во имя Пругга, «она»? Великий друид – мужчина, у них женщин в Орден вообще не принимают!

– Да при чем тут Мунин, тупица?! – разозлился Бон. – «Она» – это его племянница Барби!

Глори схватила за голову:

– Ты что, не нашел ничего умнее, чем оскорбить племянницу Великого друида?

– Да никого я не оскорблял! Она первая! А Мунин, не разобравшись...

– Стоп, стоп, стоп! – замахал я руками, чувствуя, что теряю нить беседы, а сама беседа грозит перейти в ссору. – Все глубоко вдохнули, выдохнули и успокоились. Желаящие могут выпить, а потом всех, кроме Бона, я попросил бы помолчать. У меня тоже куча вопросов, но если мы будем и дальше перекрикивать друг друга...

– Ты прав. – Против ожидания, Глори слегка потерлась носом о мое плечо и выжидающе уставилась на игрока.

– Лично я никого и не перекрикивал... – Римбольд, как обычно в подобных ситуациях, залюбовался своими башмаками.

– Продолжай, – кивнул я Бону.

– Спасибо, босс, – улыбнулся тот. Теперь это снова был наш старый приятель Бон Гейме – веселый и беззаботный, что бы ни случилось, парень и великолепный рассказчик. – Значит так. Ен Рикс поведал мне, что сам он, конечно, в Заповедном лесу не был, но не раз слышал об этом месте разные интересные слухи от вполне достойных доверия знакомых. В частности, молва трубила о том, что обитающие там дриады дадут сто очков вперед любой женщине, слово «мораль» не знают в принципе, и для такого симпатичного парня, как я, получить приглашение посетить лес труда не составит. Поелику язык у старателя к тому моменту уже заплетался вовсю, я воспринял его рассказ весьма скептически, о чем не преминул заявить. Рикс особо спорить не стал, но, когда мы уже собирались уходить, мне вдруг почудилось, что кто-то легонько прикоснулся к моему дублету. Ну, думаю, кошелек срезать хотели. Хвать – кошелек на месте, а под пальцами на мгновение – словно тончайшая паутинка, и еще почуди-

лось: пахнуло какими-то тонкими и нежными цветочными духами да тихий смешок прозвучал. Рикс стоит, ухмыляется и намекает, что я уже до зеленых сильфид допился и ловить их пытаюсь. Но я-то сам прекрасно знаю, что перед выпивкой втихаря пилюлю нехмелина проглотил и теперь мне любой градус – до свечки... Ладно, думаю, померещилось.

Ан нет!

Через пару дней залезаю за какой-то надобностью в карман и обнаруживаю там записку. Маленький такой квадратик плотной бумаги, надушенный теми самыми духами, что я в ресторане унюхал. А на бумаге написано, что дриады из Заповедного леса – не сказки. И если, мол, ты парень не робкого десятка, то приходи как-нибудь вечером на опушку и громко позови меня по имени. И подпись – «Барби».

Глори явно собралась выдать нечто язвительное, но встретила с моим взглядом и промолчала, хотя и демонстративно возвела очи горе.

– Да, я туда поперся! – с вызовом заявил парень. – Любопытство заело. Честь по чести остановил Забияку на самой опушке и крикнул: «Эй, Барби! Я пришел». Стою дурак дураком, жду. Пять минут жду – никого, десять – никого. Ну, думаю, поиздевались надо мной. И только собрался уходить, как слышу за спиной: «Эй, красавчик! Ты куда?» Оборачиваюсь: стоит на полянке девушка. Такая... такая... – Бон изобразил в воздухе нечто, должное символизировать сногшибательную фигуру, и мечтательно причмокнул. Римбольд ухмыльнулся, Глори выдала что-то из серии «все вы одинаковые!», а я понимающе (но так, чтобы жена, не дай боги, не заметила) кивнул.

– Вот так и познакомились, – продолжал рассказ наш игрок. – И хотя я провел в лесу всего три дня, мало мне не показалось. Малышка Барби оказалась такой неутомимой и изобретательной, что в итоге я фактически сбежал, сославшись на срочные дела.

Время шло, я мотался по всему матерiku, и постепенно Заповедный лес и страстная дриада забылись. Но неделю назад мне пришлось вспомнить о них снова.

Приехав в Хойру, я закинул нужному человеку пакет от Робина и получил письмо с приказом ровно через семь дней быть в Райской Дыре. Перспектива вновь увидеть вас и, если получится, даже поработать вместе меня немало вдохновила. Отлично, думаю, поболтаюсь по городу деньков пять, передохну – и двину. Щаз-з!

Той же ночью сплю я в гостинице и снится мне страшный сон. Будто лежу я в своей постели с открытыми глазами и в окно смотрю, а за окном ночь, луна, ветер и прочие атрибуты классического кошмара. Только мне не страшно ничуть, а наоборот, настроение до идиотизма бодрое и приподнятое. И тут на подоконник пикирует громадный черный ворон, чуть ли не с индюка размером. Сидит, на меня искоса смотрит и молчит. Потом слышу прямо внутри черепа: «Это ты, что ли, Бон Гейме?» «Ну я», – думаю. «Это хорошо...» Хлоп – и простыня, которой я накрывался, вмиг так хитро перевернулась, что и руки, и ноги мои оказались намертво привязаны к кровати. А вместо ворона стоит в комнате толстый да бородатый дядька в плаще из птичьих перьев и смотрит на меня так, будто я у него собственноручно старушку-мать за двадцать орлинок топором порешил.

«Попался, – говорит, – мерзкий совратитель! Теперь не уйдешь!» Я гляжу на него квадратными глазами и спрашиваю: «Ты кто?» «Я, отвечает, Великий друид Мунин Дубадам, глава Зеленого ордена». – «Очень приятно. Теперь давай помедленнее и попонятнее насчет совратителя». Он ухмыляется: «Помнишь, мол, Заповедный лес да дриаду Барби, племянницу мою?» – «Так это твоя племянница? А то как же, помню. Славно зажигали!» Тот аж затрясся от воодушевления, бородой заколыхал: «Ага, – кричит, – не отпираешься, значит?!» Я плечами пожимаю, хотя получается не очень. Он понимает и дальше пытается: «А в курсе ли ты, что теперь, как честный человек, должен на ней жениться?» Мне смешно стало: «Ты, господин Мунин, не иначе как со своего дуба рухнул! Раньше надо было племяшку пасти! А сейчас, ежели всех таких честных собрать, что до меня у нее были и после меня будут, то их на дивизию хва-

тит!» «Ох, дубадам – грозно говорит он. – Значит, не хочешь по-хорошему грех искупить?» «И не мечтай, папаша! – нагло отвечаю я. – И вообще, не пойман – не вор! А теперь развяжи меня и проваливай. Ночь на дворе, я спать хочу». «Успишь, – говорит он, – ох, дубадам, успишь!» Подходит ко мне и, бубня под нос, что-то кладет на грудь. Щекотно стало. А Мунин стоит и ручки потирает: «Проклюнулся, говорит, бешеный каштан! Теперь никуда ты от меня не денешься! Слушай, Бон Гейме: ровно через год принесешь мне яйцо феникса».

Я ему отвечаю: «Ага, уже бегу!» «И побежишь, – скалится Мунин, – когда время поджигать начнет. На четырех ногах поскачешь! Вытащить каштан могу только я. Ни маг, ни хирург тебе не помогут, а если только попытаются – бум! и нет у тебя головы». Я ему: «Ой, напугал! А ежели я на твой каштан наплюю да и буду себе жить-поживать?» «Не-а, – злорадно отвечает друид, – не выйдет. Потому как через год каштан созреет и...» «Слышал уже. Бум и все остальное. Ну а если я тебе яйцо это притащу, то что буду с того иметь, кроме избавления от каштана?» Он кивает: «Известно что. Тогда мы честным пирком – да за свадебку! Верной – хе-хе! – жены не обещаю, но на приданое не поскоплюсь. И учти, зятек: кроме тебя и другие претенденты имеются, так что ты не тяни с поисками, не тяни...» Не успел я самым натуральным образом послать этого пернатого вымогателя куда подальше, как он опять обернулся вороном, каркнул что-то нелицеприятное и был таков.

Наутро просыпаюсь я в своей постели, укрытый все той же простыней. Ну, думаю, и приснится же такая чушь! Встаю, подхожу к окну и вдруг вижу – на подоконнике лежит здоровенное черное перо. Я бегом к зеркалу, а там... – И парень горестно щелкнул пальцем по своему шарфу. – Какой уж тут отдых, какой покой и нега! Пять дней я в библиотеках штаны протирал, информацию по бешеному каштану искал.

За всю прошедшую жизнь, наверное, столько книг не перелопатил!

– И что? – не утерпел Римбольд. Бон покачал головой:

– Дрянь дело. Все как Мунин и обещал: вынуть нельзя, вырезать нельзя, инкубационный период – ровно год, а потом – бум! А избавить от него может только друид, да не любой, а лишь тот, кто этот треклятый каштан сажал.

Мы немного помолчали, потом Глори решительно стукнула кулаком по подлокотнику кресла:

– Значит так! Пойду-ка я кое с кем посоветуюсь.

– Элейн? – догадался я.

– Угу. Не скучайте, я скоро.

Как оказалось, перед нашим отъездом из Спящих Дубрав магесса подарила Глори хрустальный шар, при помощи которого мы могли связаться с ней в любой точке мира. И вот теперь моя милая жена очень своевременно вспомнила об этом полезном предмете.

Пока Глори ходила в библиотеку, где спрятан шар, я напомнил Римбольду о деле, которое привело его к нам. Гном звонко шлепнул себя по лбу, обозвал тупицей и полез в свою дорожную сумку. Оттуда он извлек плотный конверт – из тех, в которых мы обычно получали задания от КГБ.

– Вот! – триумфально заявил он. – Мне, как и Бону, официально предписано прибыть в Райскую Дыру, передать это вам с Глори и дальше действовать в соответствии с изложенными тут инструкциями.

– Извините, я прослушала. Что ты должен нам передать?

Римбольд повторил.

– Какие новости? – поинтересовался я.

– Элейн очень занята, – заявила жена, вскрывая конверт. – Они там с папой занимаются то ли мантрой, то ли тантрой... короче, совершенствуют какую-то «Цветочную сутру»... магический трактат, наверное... Дело шибко важное, ответственное, и, когда она освободится,

Элейн не знает. Но когда-нибудь точно освободится, и уж тогда обязательно нас найдет, чтобы «надрать этому паршивцу Бону уши».

– Так, может, я... это... пойду пока, погуляю? – с надеждой предложил парень.

– Еще чего! Ты уже и без того... погулял на славу. Лучше слушай, что пишет наш драгоценный босс – Глори демонстративно откашлялась и начала читать:

«Привет, ребята! Искренне надеюсь, что вы все в сборе и в добром здравии! По моим каналам поступила информация, что где-то в Дальне-Руссианском Пределе появилось яйцо феникса. Я его хочу. Все предыдущие задания отменяются, немедленно приступайте к поискам. В конверте кроме письма – ясак КГБ. Предъявив его любому члену Комитета, вы можете требовать моим именем денег, оборудования и вообще любой помощи. В случае благоприятного исхода получите сто тысяч золотом каждый. Очень на вас рассчитываю. Ваш Робин Бэд».

Как вы думаете, что мы сделали, когда наша экс-принцесса замолчала?

Правильно. Дружно схватились за голову.

Глава III, *в которой мы сначала ругаемся, потом рассказываем сказки и начинаем собираться в дальнюю дорогу*

- Что будем делать? – задал риторический вопрос Римбольд.
- Заголять и бегать! – огрызнулся Бон. – Разумеется, искать.
- Это понятно, – не отставал упрямый гном. – Но если найдем, то кто получит яйцо?

А правда – кто? С одной стороны, сто тысяч на брата – это круто даже по меркам КГБ, на чьи гонорары мы отродясь не жаловались. Но с другой – безголовому Бону ни к чему деньги в любом количестве.

– Мунин Дубадам, – отчеканила Глори, гипнотизируя Римбольда взглядом. Вот тут-то мы и узнали, что влияние моей жены на бородатого небезгранично. Или просто куча золота в сознании гнома задавила чувство локтя?

– Ну конечно! – с сарказмом воскликнул он. – Вы что думаете, Римбольду Каменному Кукишу больше делать нечего, как на старости лет прятаться по всему миру от КГБ?! И в итоге все равно загнуться в расцвете сил?!

– Так «на старости лет» или «в расцвете сил»? – попытался отшутиться я. Гном ожег меня взглядом:

– Хватит ерничать! Я говорю о серьезных вещах!

– А по-моему, ты просто захотел огрести кругленькую сумму, – нехорошо прищурилась Глори.

И тут Римбольда понесло.

– Да! – заорал он, вскакивая. – Да! Захотел! И что с того? Один раз я уже сыграл благородного дурачка в Ай-Ту-Дорре и спас этого типа от виселицы. Но я не собираюсь превращать это в тенденцию, слышите?! И если кое-кто получил в Спящих Дубравах уйму драгоценностей, а кое-кто полную сумку гальки...

– Из-за собственной жадности, между прочим, – не удержавшись, вставил я. Моя фраза оказалась той самой соломинкой, сломавшей хребет слонопотаму.

– Ах так? Ну, раз вы все такие бескорыстные и благородные, а я такой жадный и противный, то мне тут делать нечего!

Гном схватил свою сумку и выбежал вон прежде, чем мы успели его остановить.

В гостиной воцарилась гнетущая тишина.

– Что ж, – наконец проговорил Бон. – Как ни крути, бородатый во многом прав. Так что я тоже...

– Чего «тоже»? – с угрозой в голосе процедила Глори.

– Пойду.

– Куда? – не понял я.

– Не знаю. Яйцо искать.

– Так-так. Пойдешь, значит? Искать, значит? Бон вжался в кресло и, казалось, сам был не рад, что сказал это. Но Глори уже завелась:

– Значит так! Слушай меня, герой паршивый. Если какой-то мелкий, корыстолюбивый, бородатый мерзавец чересчур дрожит за свою безопасность и при этом берется делить шкуру неубитой архимыши, то я...

– Я не могу вам позволить...

– Молчать! Тебя никто не спрашивает. Это, во-первых. Во-вторых, с Робинотом можно попробовать договориться. В-третьих, если мы не найдем яйцо, нам ведь за это ничего не будет,

так? А то, что мы его нашли и отдали кому-то другому, еще нужно доказать. И наконец в четвертых. Кто сказал, что это клятое яйцо в мире одно-единственное?

– Никто, – кивнул парень, еще не отошедший от нагоняя. – Хотя сильно похоже на то. По крайней мере, то, что я сумел про него узнать...

– Нет, ты посмотри на него! – всплеснула руками моя жена. – Что-то узнал втихаря и сидит скрывает.

– Да ничего я не скрываю! Больно надо!

– Ну так колись! – У Глори, разумеется, и в мыслях не было, что минуту назад она сама приказала Бону замолчать.

И Бон начал колотиться.

– Если коротко, то феникс – это такой петух, – начал он.

– Жареный? – не удержался я.

– Угу. Именно жареный. У него, видишь ли, особенность такая хитрая. Именно из-за оной его в народе именуют жар-птицей, хотя ежели по-научному, то это Гешх, или феникс обыкновенный. Та еще птаха, если разобраться. Во-первых, он бессмертный. Ва-аще. Во-вторых, раз в год он вспыхивает огнем, в котором даже алмазы плавятся (вот откуда название «жар-птица» пошло) и рассыпается кучей первосортного золотого песка. Поскольку птичка размером с горного орлеца, то и кучка немаленькая – килограммов на тридцать. В таковом состоянии птах пребывает три дня и три ночи, а потом опять возрождается краше прежнего. Только фокус в том, что для оного возрождения фениксу всех тридцати кило абсолютно не надобно – хватит и горстки граммов на сто. На размер и здоровье воскресшего птаха это никоим образом не влияет. Вот и получается, что хозяин феникса, если не станет чересчур жадничать, до конца дней своих будет в прямом смысле купаться в золоте.

– Но если он бессмертный, то зачем яйца?

– Ну, бессмертный – это с точки зрения времени. От старости феникс и впрямь не сдохнет. Но это не значит, что ему нельзя свернуть шею, ощипать, зажарить и слопать. И вкус, говорят, будет как все у того же петуха. Именно поэтому, кстати, ни один из владельцев феникса, зафиксированных в истории (а их было всего пятеро), и не озолотился до невменяемого состояния. Всегда находился какой-нибудь «доброжелатель», которому птичка спокойно спать мешала. Дольше всех жар-птица протянула у королевы Зензириты Салийской – ажю дюжину лет. Именно ей – птичке, я имею в виду, а не королеве – обязана своим возникновением империя Зензириты. Фишка в другом: яйцо феникса появляется примерно раз в сто лет неизвестно откуда и всегда в единственном экземпляре.

– А чем оно отличается от обычного куриного яйца? А то по незнанке приготовишь из него яичницу...

– Ну, узнать-то его нетрудно. Яичко, видите ли, золотое. И с яичницей, боюсь, ничего путного не выйдет... Ой, да что я вам рассказываю? Неужто детскую сказку о золотом яйце не помните?

Я шлепнул себя по лбу. А ведь и верно, есть такая сказка. Снесла, дескать, некая курочка яичко. Не простое – золотое. А старики-хозяева, не иначе как находясь в маразме, зачем-то решили его разбить. Только ничего из этого путного не вышло: дед бил-бил – руку сломал; бабка била-била – скалку измочалила, внучок их, кузнец деревенский, самым большим молотом шаршил – молот согнулся. А на клятом яичке – ни царапины. Тут архимышка мимо топала, сослепу хвостиком махнула, зар-раза, яичко и разбилось. А вместе с ним – большая часть избы. И остались тупые дед, бабка и внучок у разбитого яичка на развалинах. Да еще и со сломанными рукой, скалкой и молотом...

– Слушай! – встрепелась Глори. – А сказка про Тилианского короля Долдона и его золотого петушка, часом...

– А то как же! – ухмыльнулся Бон. – Он, вполне оправдывая свое имя, решил феникса на шпиль самой высокой башни засадить, чтобы враги, не дай боги, не укокошили, а всем врал напропалую, что это, мол, просто флюгер золотой. А как фениксу время вспыхивать приходило, Долдон его – раз и в подвал. Опять же и золотишко далеко тащить не нужно. Только соседи быстро смекнули, откуда ветер дует. Прислали они к Тилианскому двору под видом выдуманной Шамаханской царицы профессиональную шпионку с востока, Мату. Правда, говорят, харя у этой Маты та еще была – недаром всю жизнь в чадре ходила, но зато все остальное – на местах и в нужных пропорциях. Шпионка задело взялась рьяно: сначала принцы, сыновья Долдоновы, из-за нее друг друга на дуэль вызвали и поубивали, а потом и до самого короля дело дошло – его от неумеренных любовных appetитов на восьмом десятке просто удар хватил. Так что феникса, которому как раз пора пришла возгораться, в суматохе со шпиля снять напроочь забыли. Вот он, бедняга, терпел-терпел – да и рассыпался песочком. Песочек ветром размело, да так основательно, что птичке возрождаться стало не из чего.

Мы немного посмеялись, перекинулись парой свежих анекдотов, посмеялись еще, и напряжение наконец отпустило.

– Ладно, – подвела итог Глори, – кому уж там отдать яйцо, будем решать после того, как его найдем. А пока, Сэд, тащи карту.

О-хо-хо, что-то мне это напоминает... Тем не менее карту я принес... хотя нет – именно притащил. И какую карту! Не буду утверждать, что она самая большая и подробная из всех существующих, но уж в первую десятку входит наверняка. А сколько стоит, я даже загадывать боюсь. Этой красотой мы с Глори обзавелись по милости Робина, который после нашей первой операции на благо КГБ спросил, что бы мы хотели получить в качестве памятного сувенира. Вот тут-то Глори и написала в ответ: «У вас под боком, в Миклошевом Гае, живет хримтурс-картограф Никон. Заказали бы у него карту в память о старых добрых временах». Написала и забыла. Но Робин Бэд, скажу я вам, никогда и ничего не забывает. Ровно через год к нам доставили толстенный и жутко тяжелый рулон первоклассного пергамента и записку. В ней глава Комитета пространно извинялся за задержку, но Никон-де даже с помощником раньше никак не успевал, а еще доставка... В конце же Робин писал, что, поскольку Комитет регулярно ведет разведывательную и исследовательскую деятельность, он является обладателем самой свежей и проверенной информации и, как следствие, постоянно нуждается в точных и грамотных картах. А его, Робина, так восхитила работа хримтурса, что сейчас тот всюду трудится на благо КГБ, к полнейшему удовлетворению обеих сторон.

Как бы там ни было, я размотал рулон и расстелил карту прямо на полу – ни на один стол в нашем доме она бы все равно не поместилась. Бон восхищенно присвистнул и деловито принялся прижимать края пергаментного полотнища стульями. После того как мы закончили, Глори вытащила из висящих на стене ножен тонкий и гибкий клинок. Отменная, кстати, вещица, и годится отнюдь не только для облагораживания интерьера. Для меня, разумеется, он чересчур легкий, а вот для женоушки – в самый раз. Иногда, когда на нее находит, она способна заставить попотеть даже меня...

Используя меч в качестве указки, Глори начала:

– Итак, мы с вами тут. А Дальне-Руссианский Предел...

– ...ни на одной карте не обозначен! – радостно закончил я. – Поскольку ни разведчики Зензириты Салийской, ни Андерс Гансен до него так и не добрались.

Жена посмотрела на меня как на врага народа:

– Ну, конечно, чего от тебя еще ждать! Умеешь же ты ободрить в нужный момент!

Она демонстративно надулась; я столь же демонстративно послал ей воздушный поцелуй. Глори последовательно изобразила хватательное, жевательное и плевательное движения. Угу, мы так развлекаемся. И развлекаться можем долго и со вкусом.

– Но куда же, в таком случае, ехать? – вопросительно взглянул на меня Бон.

– Вот-вот, давай теперь, отдувайся, – мстительно добавила Глори.

Пришлось отобрать у нее «указку» (попутно наградив вполне реальным поцелуем и схлопотав в ответ вполне реальный подзатыльник) и взять на себя преподавание географии.

– Как ты только что совершенно справедливо заметила, дорогая... и нечего показывать мне язык... мы – тут. – Кончик меча прикоснулся к отмеченной на карте Райской Дыре. – Двигаемся налево, то есть – на восток. Примерно через неделю пересекаем границу Нексии. Проходим республику насквозь и утыкаемся аккурат в Борзелиандский лес...

– Это там, где дивные эльфы водятся?

– Если верить сэру Андерсу Гансену – да. Хотя, кроме него, их больше никто не видел... Да леший с ними, с эльфами! Как и в случае с Лохолесьем, Борзелианд можно обогнуть, а можно чесать напрямки. Что будет предпочтительнее – пойдем на месте. В любом случае, за лесом начинаются земли Тилианы. Вот они начинаются, начинаются, начинаются – и кончаются в горах... Если двигаться дальше по прямой и никуда не сворачивать, то мы попадаем аккурат в гости к Друллу Стахану, но оно нам надо?

– Не надо! – твердо ответствовала Глори. – Во-первых, нам там решительно нечего делать, а во-вторых, нас в гости никто не звал, а незваный гость хуже сами знаете кого.

– Не надо – так не надо, – покладисто согласился я. – Тогда где-то во-он там забираем севернее, переваливаем через Остовой Хребет, проходим Ущельем Хрюкающей Погибели... какое дурацкое, однако, название... и дальше видим что?

– Стрелочку, – услужливо подсказал Бон.

– Вот именно. Красную стрелочку, рядом с которой написано...

– ...в Дальне-Руссианский Предел!

Глори придирчиво посмотрела сначала на карту, потом на меня.

– За полгода обернемся?

– Кто его знает... Вообще-то, должны, если ничего не стрясется. А к чему такая спешка? Нам ведь сроку вдвое больше дали.

– Уж не знаю, кто и что вам там дал, а у меня планы.

– Какие еще планы?

– Обширные и далеко идущие. Бон, золотко, этот твой великий древолюб, часом, не сказал, как с ним связаться в экстренном случае?

– Не понял?

– Ох, боги, что тут непонятного?! Я имею в виду, если ты или кто-то из других... соискателей руки и прочих прелестей этой любвеобильной куклы найдете яйцо феникса уже завтра, вам все равно нужно терпеливо ждать до конца года?

Бон наморщил в раздумьях лоб.

– А ведь и верно! – заявил он. – Перед тем, как исчезнуть, друид сказал: «Если добудешь яйцо раньше срока, то встань на перекрестке дорог и громко произнеси „Ом Мунин Падме Хумм!“, что на тайном языке посвященных Даджа-богу значит: „О Мунин, я нашел!“ И как это я мог забыть!

– Элементарно, – фыркнула Глори. – Вы, мужчины, о самом главном всегда думаете в последний момент. – Она немного помолчала, а потом прищурилась и изрекла: – Что-то я не пойму, мальчики! Вы что сейчас делаете?

– Ничего, – пожал плечами я.

– Вот именно! А время идет. Собирайтесь в дорогу!

Глава IV, *в которой мы встречаемся со старыми знакомыми, а «Глори и К^о» вновь собирается в прежнем составе*

Сборы заняли совсем немного времени. Мы – путешественники бывалые, а драконозавр Бона Забияка, уже навьюченный, стоял под седлом, готовый тронуться в путь хоть сейчас. К тому же у нас на руках был непобиваемый козырь – ясак КГБ и недвусмысленное разрешение пользоваться им без зазрения совести. Это значило, что в любой стране, на которую распространяется влияние Комитета (а сейчас это большая часть мира), мы можем, предъявив ясак, получить решительно все: от небольшой армии наемников до большой группы одалисков, от алмазов до изюма и от баллисты до носового платка! Но отправляться на ночь глядя как-то не хотелось, поэтому Забияку разгрузили и ткнули мордой в ясли с кормом (само собой, он не возражал), Глори и Бон остались паковать вещи, а я оседлал Изверга и быстренько смотался в Дыру.

Во-первых, нужно было прикупить кое-каких припасов, чтобы дотянуть до Нексии; во-вторых, договориться с магом Нотусом Картавым насчет подновления в доме охранных заклинаний; в-третьих, попросить Черча и его расторопного помощника Пола, как обычно, приглядывать за хозяйством в наше отсутствие; в-четвертых, попытаться разузнать, куда девался Римбольд.

С первыми тремя пунктами проблем не возникло. С последним, впрочем, тоже. Судя по всему; наш гном времени зря не терял: он дождался вечернего дилижанса и с комфортом отбыл в Хойру. Там бородатый наверняка планировал пересесть на другой дилижанс и отправиться на родину. От княжества же до перехода в Дальне-Руссианский Предел, как мы недавно убедились, всего ничего. Впрочем, вполне вероятно, что у гнома были другие планы.

Мы отменно выпалились, плотно позавтракали и навьючили всех четырех драконозавров (неугомонного Ветерка, разумеется, пришлось брать с собой). К тому моменту прибыл Нотус и битый час опутывал весь дом, двор и хозяйственные постройки паутиной чар против влаза, влета, вполза и влома нежелательных личностей. Добросовестный магик считает нас в числе своих лучших клиентов, а потому он настоятельно советовал также подвесить на ворота автоматически срабатывающую молнию о семи зубцах. Я сдуру чуть не согласился, но Глори тут же заявила, что разбираться с маршалом и убирать трупы прохожих, постучавших в ворота с целью попросить воды, будет он сам, и Нотус скис.

Сердечно распрощавшись с Картавым, мы выехали на большак. Ласково пригревало солнце, легкий ветерок доносил запах цветущего миндаля, на небе не было ни облачка. Я посмотрел вперед, на расстилающуюся перед нами дорогу, и в носу у меня немедленно засвербело. Эге! Безошибочный признак надвигающихся приключений. Причем в изрядном количестве.

Как я по всему этому соскучился!..

Первое из приключений ожидало нас уже на следующий день. Переночевав на каком-то одиноком хуторе и отмахав с полсотни километров, мы свернули в рощицу перекусить. И тут...

– Геть, братва! Гном!

Голос был настолько мерзким, что мог принадлежать только грабителю.

– А ну, бородатый, стоять-бояться! Кому говорю, стой смирно, а то пасть порву! Видал ножичек? Гы-гы-гы!

– Гном? – подняла брови Глори. – Как вы считаете?..

– Маловероятно, – прошептал Бон, на всякий случай заряжая арбалет. – Он же не единственный гном во всей округе... И потом, в дилижанс мог садиться и не Римбольд. В конце концов, для большинства людей все гномы – на одно лицо... вернее – на одну бороду...

– Ух, какая цацка! – ликовал за кустами обладатель мерзкого голоса. – Тока глянь, Хмырь!

– Что там? Золотишко? Славно, славно... – послышался ответ неведомого Хмыря. – Это по-каковски написано? По-гномьи, что ли? Эй, Доцент!

М-да, как говорится, мычанье было им ответом...

– Ты че, он и по-нашенски-то отродясь ни читать, ни писать не умел. За то Доцентом и прозвали...

– Поумничай мне еще, Косой! Моргалы выколю! Станешь Слепым!.. Хмырь, ты чего ему в пасть затолкал?

– Дык его ж собственную бороду и затолкал. Шикарный кляп получился! Че, вынуть?

– Оставь, еще орать начнет. Давайте-ка лучше глянем, что нам Ссуф в его мешке послал.

– И то верно!

– Даже если я и ошибаюсь, – прошептал я, – разбойники в неполных двух днях от Дыры – это сущее безобразие! Куда только Домби смотрит?

Домби-Крюк – наш маршалл, другими словами – начальник полиции. В прошлом он сам неоднократно выходил на большую дорогу, но потом завязал и теперь ловит бывших коллег так же лихо, как раньше чистил карманы неосторожных путников. Он, помнится, и меня как-то пытался упрятать в каталажку под предлогом того, что я-де слишком громко пел в неурочное время. После того как его отскребли от стены дома, Домби больше не принимал таких опрометчивых решений...

Мы с ребятами немного пошептались, после чего Бон и Глори разъехались в разные стороны, оглябая место, с которого слышался привлечший наше внимание разговор, а мы с Извергом и Ветерком нарочито громко поехали вперед. Поняв, чего я от него хочу, мой черный приятель топал с большим энтузиазмом, умница Ветерок изо всех сил пытался не отстать от папашки, а я насвистывал какую-то веселую мелодию. В итоге мы могли быть уверены: не заметить нашего приближения смог бы разве что глухой на оба уха. А таких, как показывает практика, среди разбойников ничтожно мало. Издержки производства, так сказать...

– Геть, братва! Еще кой-то прется!

– Хмырь, глянь! Ну, что я говорил?

Кусты зашуршали, и передо мной появился тощий мужичонка, вполне оправдывающий свою кличку. Судя по обилию разнообразных шрамов, украшающих чумазую и небритую физиономию, он не слишком хорошо владел ржавой (и, готов спорить, тупой) гвизармой, направленной мне в грудь. Кстати, у меня было смутное ощущение, что и физиономию, и гвизарму я раньше уже видел.

– Тпру, приехали! – объявил мужичонка уже знакомым мне «злодейским» голосом.

– Привет, приятель! – беззаботно ответил я, игнорируя гвизарму и источаемый Хмырем запах жареного лука и перегара.

– От приятеля слышу! Ты кто?

– Я-то? Я так, путешественник...

– Да ну? А я, стал-быть, разбойник. Гы-гы-гы! Чего ж ты, дуралей, не по большаку путешествуешь, а в лес поперся, верхами, да еще и с поклажей?

Ответить мне помешал окрик того, кого недавно именовали Доцентом: – Хмырь, ну чего там?

– Мужик! – заорал, оборачиваясь, доходяга. Изверг вопросительно зыркнул на меня, я покачал головой. Разумеется, с горе-разбойником и его железкой я бы справился, даже стой он ко мне лицом, но действовать пока было рано.

Тем временем парочка продолжала перекрикиваться:

– Сам слышу, что не баба! Хотя зря. Один?

– Два! – радостно завопил Хмырь, вновь поворачиваясь ко мне и поднимая опущенную было гвизарму. За древко он хватался, как за оглоблю.

– Чего – «два»?

– Драконозавра.

– При чем тут драконозавры? Он один?

– Кто?

– Мужик, придурок!

– А-а... Мужик-придурок один... – Хмырь посмотрел на меня, почесал укушенную комаром щеку и добавил: – Хотя мяса хватило бы на двоих...

Так-так, это я, значит, придурок? Ну, погоди у меня...

– Тащи сюды!

– Слыхал? – поинтересовался у меня Хмырь.

– Слыхал. Это кто?

– Спрашиваю тут я... то есть мы. Лесные, стал-быть, братья. И сейчас мы тебя, дылду, будем немножко грабить. Так что давай...

Что я должен давать и кому, разбойник поведать не успел. Как только он опустил гвизарму и протянул руку, чтобы схватить Изверга за повод, мой приятель аккуратно сжал его запястье зубами. Оружие брякнулось на землю, а Хмырь с ужасом уставился на драконозавра, будто тот уже откусил его кисть и в данный момент пережевывает.

– Зверюшка сегодня еще не завтракала, – ласковым голосом соврал я; – Так что не вздумай дергаться и поднимать шум. Сколько вас?

– Трое, – просипел он резко севшим голосом.

– Хмырь, ты что там, сдох?!

– Ответь, – велел я.

– Чего?

– Что идем.

– Доцент! Он говорит, что мы идем! – послушно заорал тощий грабитель. Ох, простота и впрямь хуже воровства!

Я слегка ткнул Изверга пятками, и верный драконозавр, не разжимая зубов, потрусил вперед. Разбойник, подталкиваемый носом Ветерка и исходя семью потами, засеменил рядом. Именно таким манером мы выбрались на поляну.

– Эт-то что еще такое? – нахмурился толстый неопрятного вида дядька в явно маловатой ему кожанке с оторванными рукавами. Судя по голосу – тот самый Доцент. И, судя по моим смутным воспоминаниям, также где-то мной виденный.

– Чудесный день, господа, – невозмутимо кивнул я.

– И тебя туда же. Косой!

Но не успел третий мужик – абсолютная копия моего пленника с точки зрения одежды, обилия шрамов и жалкого вида, но вооруженный внушительной дубиной – оторваться от содержимого распотрошенного мешка и попытаться встать, как «бздям-ммм!» – рукав его дырявого кафтана оказался намертво пришпилен арбалетным болтом к дереву.

– Не советую, – покачал головой я, видя, что Доцент потянул из-за пояса кошмарного вида тесак с обломанным кончиком.

«Бздям-ммм!» – тут же пропел новый посланец арбалета, начисто срезав ветку орешника над самой головой толстяка.

– Кто шевельнется, получит следующий в брюхо, – любезно пояснил из-за кустов Бон. – На вашем месте я бы уже минут пять как разоружался!

– Че? – не понял Доцент.

– Железо на землю! – «перевел» я. – Живо! Впрочем, «железо» – это было сильно сказано.

Гвизарма осталась валяться там, где Хмырь ее уронил, а у Косого кроме дубины оказался лишь нож за голенищем дырявого сапога.

Подождав, пока вышеупомянутый нож и тесак Доцента очутятся на траве рядом с лапами Изверга, Бон и Глори выехали на поляну. Парень и впрямь держал наизготовку заряженный арбалет, но вся троица разбойников уставилась с нескрываемым ужасом отнюдь не на него.

– О, Ссуф, опять! – простонал пришпиленный к дереву Косой. – Ну за что?!

– А-а, старые знакомые! – усмехнулась Глори. – Что бы вам стоило сменить профессию еще после нашей первой встречи?

И тут я понял, почему физиономии Доцента и его «джентльменов удачи» казались мне знакомыми: два года назад эти оболтусы уже пытались напасть на нас неподалеку от Хойры. Вот ведь несправедливость! Всегда так: уделал всех я, а запомнили жену. Видно, такова, как сказал бы Бон, моя планида...

Пока мы с парнем связывали присмиривших разбойников, Глори присела на корточки перед примотанным к дереву Римбольдом. Под глазом гнома наливался отменный синяк, кафтан с вывернутыми карманами был порван на спине, а рот заткнут концом собственной бороды. Знаете, что этот мелкий паразит пробурчал; когда Глори ее вытащила?

– Почему так долго?!

К сожалению гнома, моя драгоценная супруга, невзирая на свое королевское происхождение, считает неблагодарность одним из наитягчайших грехов. А уж неблагодарность, проявленная по отношению к ней, любимой... – Засиделись мы тут что-то, – задумчиво произнесла она, вставая и подходя к нам. – Поехали.

– Э-е-ей! – забеспокоился Римбольд. – То есть как это «поехали»?

– На драконозаврах! – отрезала Глори. – А я?

– Посидишь тут, подумаешь о своем поведении!

– А они? – Гном мотнул головой в сторону связанных разбойников.

– Посидят тут, подумают о своем поведении. К вечеру, если повезет, развяжутся.

– Не-а, – покачал головой Бон, подергав для верности узлы. – К вечеру – навряд ли. Вот к утру...

– К утру – так к утру, – не стала спорить Глори. – Значит, ежели за ночь вас никто не сожрет и ты будешь просить как следует, они, быть может, тебя и освободят.

При слове «сожрет» Римбольд затрепыхался, как попавшая на крючок рыбка, но путы держали крепко. К тому же, откуда ему было знать, что в тутошних посадках уже давно не осталось зверья, способного сожрать что-либо, кроме одуванчика? Тогда гном с надеждой посмотрел на горе-грабителей. Ответный взгляд Доцента свидетельствовал, что дядька прекрасно понял, кому он обязан своим теперешним положением. И, если он освободится, этот «кто-то» в лучшем случае может рассчитывать на второй «фонарь». Осознав это, гном закатил глаза и обмяк.

– Надеюсь, ты это не всерьез? – осторожно поинтересовался Бон.

– Пока не знаю... – мстительно протянула моя принцесса. – Уж больно соблазн велик...

Бон немного подумал, потом решительно достал кинжал и перерезал веревки, стягивающие гнома. Потом подумал еще немного – и освободил «джентльменов удачи».

– Ню-ню, – прокомментировала благородный поступок Глори. – Хотелось бы верить, что ты ведаешь, что творишь.

– Да ладно тебе! – обнял я ее за плечи. – Он уже достаточно наказан. Что же касается этих...

– Что же касается этих, – перебила меня она, поворачиваясь к разбойникам, робко растирающим затекшие запястья, – то если я еще раз когда-нибудь, где-нибудь, от кого-нибудь услышу...

М-да... Стадо слонопотамов, в сезон засухи несущееся на водопой, производит куда меньше шума, чем перепуганные грабители, выпущенные на волю...

Подождав, пока треск сучьев и топот окончательно стихнут, мы сложили вещи Римбольда обратно в мешок, положили его рядом с бесчувственным хозяином и тихонько вернулись к месту нашей прежней стоянки. На этом настоял я. И оказался прав.

Римбольд появился примерно через полчаса. Точнее, нет. Через полчаса появилась вот такенная охапка сушняка. Она целеустремленно двигалась в нашу сторону на двух ногах, обутых в знаменитые гномьи башмаки с чуть загнутыми носами.

– Вот, – скромно сказал Римбольд, сгружая свою ношу возле костерка и потупясь, – я вам тут дровишек принес...

– Долг платежом красен, – ухмыльнулся Бон, доставая из кармана кошелек гнома и даренный Друллом золотой браслет. Ух ты, а я и не заметил, когда он отобрал их у грабителей!

Нет, гном не всплакнул от умиления. Хотя, сдается мне, был к тому сильно близок. Он просто стиснул парня в объятиях, торжественно поклонился нам с Глори (ей – куда ниже), потом снял с импровизированного мангала поджарившуюся сосиску, откусил добрую половину и с набитым ртом осведомился:

– Итак, когда выступаем?..

Глава V, *в которой рассказывается о том, до чего может довести жителей отдельно взятой республики незнание их предками древних обычаев*

Когда любой ребенок впервые смотрит на карту современного мира, у него, разумеется, возникает куча вопросов. И наверняка один из них звучит так: почему названия государств-соседей Кнегсии и Нексии различаются лишь в двух буквах? Причем первое – немеренное королевство, прямой наследник империи Зензириды Салийской, а второе – ма-ахонькая республика, стыдливо прилепившаяся сверху к могучему южному соседу. Дети, само собой, спрашивают родителей и педагогов, а те или отвечают сразу (если знают), или отмахиваются (если не знают), или говорят: «Подрастешь – сам узнаешь» (если знают, но объяснять неохота). В случае со мной был гибрид второго и третьего вариантов: матушке было решительно начинать на весь мир целиком и его составляющие по отдельности, пока оные ее лично не касаются, поэтому она не знала. Но и обижать меня отказом ей не хотелось. Так что ответ на свой вопрос я действительно узнал сам, когда подрос. И узнал вот что. После развала империи королевы Зензириды, когда большинство северо-западных провинций (Хойра, Райвэлл, Оргейл и прочие), а также ряд колоний по ту сторону Внутреннего моря срочно захотели независимости, мир чуть не погрузился в тотальную войнушку «всех против всех». К тому же империю со всех сторон постоянно тревожили набегами дикие и воинственные варвары, а с востока вдобавок тянулись гномы, первыми получившие от вышеупомянутых варваров по зубам. Может, если бы у Зензириды остались родственники и будь среди них хоть один достаточно жадный и решительный, современные карты выглядели бы совсем по-другому. Но всех родственников предусмотрительная королева, правившая под девизом: «После меня – хоть Грибочек!», – давным-давно извела под корень, дабы не вводить их в соблазн переворота. А придворные тут же начали вопить, что гигантская империя – колосс на глиняных ногах, который не сегодня-завтра рухнет, придавив всех скопом. И что пусть-де эти алкающие свободы провинции лучше наалкаются вусмерть, а попутно самостоятельно обороняют варварские рубежи, загоняют гномьё обратно в горы и так далее. Правда, справедливости ради стоит признать, что кое-кто из оных придворных загадочно исчез сразу же после раздела империи, чтобы потом возникнуть в тех самых провинциях в качестве основателей новых династий, магнатов и прочих совсем не бедствующих граждан.

Оставшееся от империи королевство, по-прежнему называемое Салия, возглавил триумvirат из вице-канцлера, маршала и казначея. Впрочем, просуществовал он неполные три года. За это время всем стало ясно, что главный в триумvirате именно последний, ибо тот, кто держит в своих руках казну, держит и армию, и закон, и все остальное. А казна у бывшей империи, несмотря на трудные времена, была совсем не маленькая. Так что, когда на третьем году двое остальных членов триумvirата неожиданно и скоропостижно скончались, а потом эпидемия цыкуты в вине, стилета в спину и падения на мостовую с большой высоты стала прореживать ряды их сторонников, никто особо не удивился. Казначей под ликование толпы возвели на престол под именем Кнегса Первого, а королевство, не долго думая, переименовали в Кнегсию. Продолжение истории случилось лет через тридцать. Кнегс к тому времени уже упокоился в мавзолее, но в отличие от Зензириды, он оставил жену и двух сыновей: Кнегса-старшего и Некса-младшего. И вот настала пора сыновьям жениться. А матушка их, вдовствующая, знает, королева, и скажи: «А что бы вам, сынки, не поступить, как деды-прадеды завещали?» А деды-прадеды (чтоб им на том свете икнулось!) завещали выходить в чисто поле и лупить

из луков наудачу, куда Ссуф пошлет. А чтобы подальше послал и никого из своих не пришиб, заклинать стрелы именами воздушных духов-сильфов Боинга, Аэрофлота да Монгольфьера! И там, куда стрела воткнется, жену и приглядывать.

Почесали принцы в затылках: дескать, пока дойдешь до того места, куда заклятая стрела воткнулась, пока разыщешь более-менее подходящую особу, жениться уж и смысла нет. Но все же послушались. А поелику деды-прадеды (чтоб им вторично икнулось!) в своих трехклятых заветах не уточняли, сколько стрел зараз пулять надо, братья решили, что много – не мало, взяли луки, по здоровенному пучку заклятых стрел каждый, окопались на холме повыше и устроили всем жителям сопредельных держав веселую жизнь. Говорят, одну из этих стрел потом аж на Альпенштокском перевале нашли, но дело не в этом. Дело в том, что к древку каждой стрелы была приклеена записка: мы, мол, Кнегс и Некс, принцы кнегсианские, иду... в смысле – удали молодецкой у нас – отсюда до Великого океана, а стрел и того больше. Так что, друзья-сопредельщики, послали бы вы нам невест десятка полтора иль два, да поименнее и посимпатичнее, а то мы еще с недельку постреляем, а потом сами искать пойдем. И с каждым – эскадрон латной конницы. Для верности.

Друзей-сопредельщиков, у которых счет покалеченных стрелами шел уже на сотни, объял жуткий страх. Поспешили они послать к королеве-матери посольства с просьбой приструнить сынков. Мол, невесты уже едут. И правда, как только прекратился обстрел, стали подтягиваться к границам Кнегсии караваны с девицами. А чтобы братьям не показалось, что их не уважают, девиц было не то чтобы дюжина-две, а как бы даже четыре, да плюс еще пара – для ровного счета. Кнегс и Некс губы развесили, ждут не дождутся, когда начнутся смотрины, но только послы им говорят: «Нет уж, уважаемые! Мы, как вы и просили, привезли вам дев самых знатных да прекрасных, – ввали, разумеется, да только как проверить? – и негоже хоть одну назад возвращать, на весь мир позорить. Так что как вы невест между собой делить будете – дело ваше, внутрисемейное, но уж извольте всех принять по описи и оприходовать. А не то их друзья да родственнички в обиде великой такое устроят, что ваши деды-прадеды на том свете год икать станут!»

Кнегс-удалец окинул ровную шеренгу девиц оценивающим взглядом, кинул шапку оземь и говорит: «Согласен!» А вот брат его Некс – ни в какую. «Не желаю, кричит, чтоб меня к стенке припирали, выбора не оставляли!» А был Некс этот на почве выбора конкретно сдвинут с самого рождения: что дают – не ел, что шьют – не надевал, все приговаривал: «Я сам выберу. И возьму – сам!» Вот тут-то он и взъялся: «Я, мол, в эту авантюру со стрелами влез исключительно затем, чтоб выбор был побогаче. И вообще, авантюру маманя затеяла, вот пусть она на пару с брательником этих кобылиц и объезжает. А я не желаю!»

Долго Кнегс с матерью упрямяца уговаривали хоть десяток красавиц себе взять, равную долю наследства папиного сулили, даже звание брата старшего – зря воздух сотрясали. Стоит Некс, руки в боки, ноги на ширину плеч, нос в небеса, и твердит как заведенный: «Я возьму сам! Са-аам!»

Плюнул тут в сердцах Кнегс и говорит: «Ладно, братец, Контратий с тобой, поганцем! Возьму я себе всю полусотню, а ты мне взамен бумагу дашь. А в бумаге той напишешь, что не претендуешь ты и потомки твои на наследство папино до последнего дня мира. Выделю я тебе уездик где-нибудь на севере в вечное владение, вали туда и выбирай кого хочешь из кого хочешь!»

Вот так в королевстве Кнегсия появилось многоженство, а на всех картах мира появилась Демократическая Республика Нексия. И разведчики королевы Зензириды Салийской тут вовсе ни при чем...

Уже при въезде в Демополис – столицу Нексии – мы поняли: нас угораздило заявиться аккурат в разгар очередных выборов. По всей округе рябило в глазах от разноцветных флагов

и транспарантов с эмблемами наиболее значительных партий, в ушах звенело от гремевшей на каждом углу музыки, на которую накладывался галдеж народа, а сам народ от мала до велика пребывал в очумело-приподнятом настроении.

Перед городскими воротами были вывешены три самых здоровенных транспаранта с метровыми буквами. На том, что справа, значилось: «Голосуй за Правых, не то проиграешь!», слева: «Голосуй за Левых, не то проиграешь!», а по центру, строго по законам логики, призывалось голосовать за Центристов. Не то – сам понимаешь.

– Однако, как здорово получается, – прокомментировал Бон, – за кого ни голосуй, в итоге все равно проиграешь.

– Стало быть, наиболее здраво не голосовать вообще ни за кого, – пожал плечами я.

На беду, проходивший мимо горожанин преклонных лет, весь в боевых наградах и с ярко-красной повязкой на рукаве – знаком принадлежности к партии Правых, как мы уже успели понять, – услышал мои слова. Насколько они ему пришлись по душе, можно было судить по искажившемуся от ярости лицу.

– Паршивые воздерженцы! – проскрежетал зубами ветеран. – Мы за вас кровь проливали, а вы...

– Погоди-ка, дедуля! – возмутился Римбольд. – Лично я тебя ничего проливать не просил – ни за меня, ни за себя.

– Смолкни, нелюдь! – патетически воскликнул ветеран. – Это сейчас с вами цацкаются, равные права обещают. Ну ничего, Зюген всех вас, окаянных, к порядку призовет! Вылетите за черту оседлости – и пискнуть не успеете!

Возмущенный гном только раскрыл рот, чтобы достойно ответить, как нас догнала группа молодых людей с повязками зеленого цвета – знаком левых либералов.

– Засохни, старый! – воскликнул один из них, обращаясь к деду. – Вам с вашим паршивым Зюгеном недолго осталось. После этих выборов мы вас в парламенте потесним, так и знайте!

От возмущения ветеран начал заикаться и брызгать слюной:

– Да вы з-знаете кто? П-предатели! Только и умеете, что т-трудоу народ п-притеснять! А сами давно кнегсианцам и гномам п-продались!

В этот момент подоспели новые действующие лица: пятеро здоровых и бесконечно тупых даже на первый взгляд охламонов в черном и с наголо обритыми головами.

– За гномье заступаемся? – с угрозой спросил их предводитель, извлекая из-за пазухи внушительный кастет. – Старость не уважаем? Родину-мать не любим?

– Так их, так их, сынок! – запрыгал от возбуждения ветеран. Верзила смерил его мутным взглядом и прорычал:

– Слышь, старый! Свали отсюда по-быстрому. Будешь под ногами путаться – в репу дам!

Я уже собирался вмешаться, но тут кто-то поблизости заорал: «Стража! Стража скачет!», и обе группки мигом испарились. Лишь ветеран стоял посреди дороги, и лицо его было крайне растерянным.

Вскоре с нами действительно поравнялись пятеро всадников в форме.

– Откуда будете? – спросил их командир с нашивками сержанта.

– Из Хойры, – честно ответил я.

– Куда направляетесь?

– В Тиляну.

– Цель посещения Нексии?

– Поесть и передохнуть.

– Надолго?

– Вряд ли. День, может, два.

Страж замолчал; расценив заминку в традиционной форме, я развязал кошелек и достал четыре монеты:

– Вероятно, с нас причитается за въезд в город?

– Вы с ума сошли! – возмутился сержант и понизил голос: – Хотите, чтобы меня с работы поперли за взятку при исполнении?!

– Взятку? – подняла брови Глори.

– А-а, вы же не местные, – вспомнил страж. – Закон у нас такой, понимаете ли: всю предвыборную неделю городские ворота не закрываются с самого утра до полуночи. Шастай, как говорится, в свое удовольствие, учиняй безобразия и – совершенно бесплатно. Э-эх!

Последний вздох явно выражал отношение сержанта к подобным законам, а также к умникам, которые их придумывают за счет честных налогоплательщиков.

– Разумеется, мы уважаем законы, – быстро вклинилась Глори, подмигнув мне. – Но разве в законе где-нибудь сказано, что стражи не могут оказать приезжим путникам услугу и проводить их до какого-нибудь приличного питейного заведения? А то вдруг кто-нибудь станет... безобразия учинять...

Монеты с моей ладони как ветром сдуло.

– Само собой, сударыня! – залихватски подкрутил усы сержант. – Не извольте беспокоиться. Я уж им учиню...

Внутри город еще больше напоминал филиал приюта для умалишенных. Толпы празднующихся сторонников всех возможных партий, обменивающиеся ругательными словечками, подгнившими овощами, а порой и камнями. Митинги вокруг наспех сколоченных трибун. Мусор и объедки на мостовых. Глори была совершенно права, когда заручилась поддержкой стражи: закон в Демополисе уважали. Правда, какой-то поддатый мастеровой заорал: «Долой держиморд!» – и швырнул в нашу сторону яйцом, но не рассчитал сил. Снаряд, не долетев до ближайшего стража метров тридцать, растекся по широкой груди проходившего мимо хримтурса. М-да, не повезло... В другой ситуации стражи, скорее всего, вмешались бы, но только не сейчас.

Пока мы наблюдали за вразумлением буяна, рядом уж что-то чересчур громко залязгало и загрохотало: из переулка выступил отряд из полутора десятков пожилых леди в возрастном диапазоне от «сильно за пятьдесят» до «давно песок сыплется». Несмотря на это, глаза старух горели огнем великих свершений, ноздри хищно раздувались, а суставы бодро поскрипывали в такт шагам. Привлекший же наше внимание грохот издавали ложки и половники, которыми бабки мерно ударяли в металлические миски, сковородки, кастрюльки и дуршлаг. У одной я заприметил даже бронзовую ночную вазу времен эдак дедушки Зензириты, короля Дроздофилла.

Поравнявшись с нами, правофланговая бабка воинственно вскинула голову и пронзительно заверещала:

Призываем, как и встарь:
Воздерженцев – на фонарь!
Всех центристов – камнем в лоб!
Левых – под позорный столб!

И все остальные тут же подхватили:

Ламца-дрица-гоп-ца-ца,
За Зюгена-молодца!

Бабки промаршировали мимо, и до нас донесся затихающий в отдалении гимн:

Славься, Отечество наше законное,
Выборов честных надежный оплот!
Партия Правая волей народною
Всех супостатов зараз изведет...

– И часто у вас такое? – сочувственно спросила Глори сержанта.

– Каждые два года, – скорбно вздохнул тот. – И, что самое обидное, мы, стража, не имеем права вмешиваться, пока такая вот любительница Зюгена Красного Серпа колотит ложкой по кастрюле. Вот ежели она ею кого по ха... по лицу то есть двинет – тогда, конечно...

В следующий раз мы остановились по причине митинга. Существ двести разных рас столпились вокруг трибуны, на которой бесновался некий человек.

– ...омоем наши сапоги в Великом океане! – визгливо выкрикивал он. – Все, все, все омоем! А вы представляете, что будет с этими западными уродами, когда все наши хримтурсы примутся одновременно мыть сапоги в ихнем океане?!

– Что? – заинтересованно выкрикнул какой-то хримтурс, зачем-то приподняв ногу в сапожище литров двадцать вместимостью.

– Смоет! – восторженно заявил оратор. – Приливной волной смоет на фиг! Однозначно!

– Сын Юриста нынче явно в ударе, – покачал головой сержант.

– Он в этом ударе пребывает с младенчества, – хмыкнул один из его подчиненных.

– Ага. Как тогда ударили... – начал было второй, но сержант тут же прикрикнул:

– Разговорчики! Вы на службе, а стража – вне политики!

Кое-как пробившись сквозь толпу поклонников Сына Юриста, мы свернули, минут пять пропетляли по почти безлюдным (один человек на два квадратных метра) закоулкам и наконец остановились у дома с бронзовой прорезной вывеской в виде попугая, сидящего на жердочке, раскинув крылья.

– Ну вот, – махнул рукой сержант. – Лучший постоянный двор в городе «Под крылышком Спикера». Цены умеренные, народ мирный даже в эти сумасшедшие деньки, к тому же до нашего участка рукой подать. Если что потребуется – обращайтесь.

Сердечно распрощавшись с любезными блюстителями закона, мы поручили драконозавров заботам расторопного конюха и направились к двери. Оную дверь, кстати, украшали сразу два плаката. Первый гласил, что «Хримтурсы Демополиса против расовой дискриминации!», а ниже от руки было подписано: «И хрен с ними!» Со второго лучезарно скалился холеный мужчина, а подпись тем же почерком гласила: «Он – друг гномов!» Мне тут же стало интересно, хотел ли ее автор обидеть мужчину или превознести. Впрочем, скорее второе: недоброжелатели уже успели подрисовать «другу гномов» углем кошачьи усы, редкую бороду, фингал под левым глазом и большую бородавку на щеке... прошу прощения, бородавка у него была своя.

Едва переступив порог, мы тут же услышали:

– Добр-ро пожаловать, электор-рат!

– Спасибо, – машинально ответил Бон.

– Левые? Пр-равые? Центр-ристы?

– Пр-роездом, – ухмыльнулась Глори. – Тр-ребу-ется запр-равка.

– Пр-рисаживайтесь спр-рава.

Так и не поняв, кто с нами разговаривает, мы послушно направились в указанную сторону.

– Спикер, заткнись! – послышался женский голос – Совсем сдурел, петух тропический?

– Попр-рошу без оскор-рблений! Спикер-р не дур-рак! Спикер-р – умница! Спикер-р – хор-роший, хор-роший!

– Спикер-р – пустобр-рех! – не согласилась с неведомым голосом женщина средних лет, выходя из-за стойки. – Спр-рава... тьфу ты, зараза! С тобой разучишься нормально разговаривать! Справа нет ни одного свободного места. Не позорь меня перед гостями! Добрый день, уважаемые! Вон там свободный столик, располагайтесь.

– Спр-рава будут места, если Кор-ри пр-рогонит мазур-риков! – возмутился неведомый Спикер. – Они жр-рут уже тр-ри часа, а потом опять попр-росят кр-редит! Дар-рмоеды!

«Мазурики» – трое мужиков, чьи носы сразу выдавали своим цветом выпивох со стажем, – скромно потупились.

– У тебя забыла спросить! – фыркнула Корри, обернувшись к стойке.

– Ой! – тихонько сказал Римбольд, проследив за ее взглядом.

И вправду – ой! Над стойкой на цепи, другой конец которой терялся в полумраке где-то на потолке, висела здоровенная клетка. Наш гном в такой вполне мог жить. Правда, в данный момент она была пуста, поскольку ее обитатель – желто-красно-синий попугай – деловито прохаживался взад-вперед по стойке, волоча за собой роскошный хвост.

– Спр-росить Спикер-ра – не гр-рех! – глубокомысленно произнес он. – Спикер-р пр-против анар-рхии!

– Если Спикер не прикроет клюв, он отправится в клетку и останется без крекера!

Попугай тут же замер, склонив голову, и тихонько заявил:

– Пр-рессинг!

– Что-что? – приподняла брови хозяйка, вручая нам меню.

– Умолкаю! Умолкаю! Кор-ри хор-рошая! Спикер-р хор-роший! Кр-реккер-р хор-роший! Дайте кр-реккер-р Спикер-ру!

– Всем салат с креветками, – перечисляла тем временем Глори, – мясное ассорти, тушеную свинину с картошкой, мальчикам – пиво, мне – апельсиновый сок...

– А груши? – тут же заныл Римбольд.

– ...две груши...

– Три!

– ...три груши, большую гроздь винограда, корзиночки с заварным кремом... – Моя принцесса улыбнулась и закончила: – ...и крекеры господину на стойке.

– Ох, сударыня! – с улыбкой покачала головой хозяйка. И, обернувшись к стойке: – Слышал? Скажи спасибо, обжора!

Попугай важно шаркнул лапой, поклонился и изрек:

– Пр-ремного благодар-рен, очар-ровательная бар-рышня!

Глори со смехом вернула поклон и погрозила нам пальцем:

– Все слышали? Чтоб вот так впредь и было, иначе – никакой добавки!

– Пр-рессинг! Пр-рессинг! – тут же отозвался Бон. – Дискр-риминация!

Обед подоспел минут через пять и был настолько недурен, что мы почти не разговаривали и лишь шустро работали вилками и ножами. Корри принимала наши заслуженные восторги со снисходительной улыбкой, попугай всюду хрустел вожаденными крекерами.

Когда наконец убрали посуду и подали десерт, хозяйка под села к нам.

– Как вам в Демополисе? – поинтересовалась она.

– Забавно, – отозвалась Глори. – Хотя и немного шумновато.

– Да уж... Выборы...

– Выбор-ры – дешевый кич! Дешевый кич! – тут же завопил Спикер, позабыв о лакомстве. – Пар-рла-мент пр-родажен! Пр-роклые олигар-рхи маскр-руются под демокр-ратов! Интер-ресы нар-рода лоб-бир-руются! Пр-роцветает чер-рный пиар-р! Кр-ругом кор-ррупция! Экстр-ремизм! Кошмар-р!!! Позор-р!!!

– Спикер! Договоришься! – пообещала Корри.

– Пр-равда дор-роже кр-рекер-ров! – оскорбленно нахохлился попугай. – Пр-равду не бросишь за р-решетку!

– Что, неужели так плохо? – сочувственно спросил я хозяйку.

– Кто бы ни заседал в парламенте, кушать хотят все, – пожала плечами та. – И деньги тоже у всех одинаковы. Конечно, мне пару раз в день обещают погром за то, что я терпима к членам всех партий без исключения, но близость полицейского участка остужает самые горячие головы. К тому же через пару деньков этот кавардак закончится, все пойдет по-старому. До следующих выборов.

– Скажите, почтенная Корри, – включился в разговор Бон, – а толк-то хоть от них есть? Ну, допустим, большинство в парламенте захватят сторонники этого... Сына Юриста...

– Это вряд ли! – рассмеялась хозяйка. – Наш великий оратор, конечно, личность популярная, но как политика его никто всерьез не воспринимает, включая и его самого. А что до толку... Знаете, молодой человек, однажды, лет шесть назад, мы всем кварталом голосовали за Правых. Через два года тем же составом – за Левых. И наконец на прошлых выборах – за Центристов. И ничегошеньки не изменилось. Может, оно и к лучшему. Стара я, знаете ли, для глобальных перемен...

Глава VI, *в которой мы встречаемся с конкурентом и узнаем о том, какую шутку сыграли когда-то с сэром Андерсом Гансеном*

Как бы там ни было, а в Нексии мы решили не задерживаться. Остановиться где-либо на ночлег представлялось делом весьма затруднительным, да и людей КГБ в предвыборной суете искать было не только бесполезно, но и небезопасно. Поэтому мы пополнили запас удовольствия и в тот же день покинули Демополис.

Еще через пару дней вдали показался Борзелиандский лес.

– Ну, какие будут предложения? – поинтересовалась Глори, когда мы остановились, чтобы перекусить.

– По поводу? – поднял брови Бон.

– По поводу Борзелианда. Если ты обратил внимание, мы стоим на развилке.

– Сидим, – с набитым ртом пробурчал Римбольд.

– Да хоть лежим! Положение наших бранных тел в данном случае ничего не меняет.

Дальше мы едем напрямик или в обход?

Бон почесал кончик носа:

– А что в этом лесу такого особенного? Дорога хорошая, ровная, по ней даже купцы с достаточной регулярностью ездят. К тому же после Лохолесья нам любое скопление деревьев – тьфу!

– Ладно, будем считать, что твой голос – «за». Сэд?

– Присоединяюсь. Кроме эльфов, в Борзелианде ничего необычного нет. Да и эльфов видел один лишь Гансен, в самой глуши, куда нам забираться незачем.

– Римбольд?

– Категорически против. Хотя живого эльфа никто не видел уже Пругг знает сколько времени, легенды моего народа повествуют о кровопролитнейших войнах с ними на заре мира. Тогда лишь доблесть воинов-гномов спасла всех живущих от полного уничтожения!

– Что-то я не слышала ни одной подобной легенды, – прищурилась Глори.

– Ты и не могла слышать! – подбоченился Римбольд. – Я же говорю, это было на заре мира, когда вас, людей, даже в задумке Пругга не было! У нас, в Стоунхолде, среди трофеев даже череп какого-то эльфийского короля хранится. Толи Элве, то ли Финве... Здоровый такой, с рогами!

– Какими еще рогами?! – возмутился я. – Сэр Андерс Гансен описывал эльфов как дивных существ, поражающих красотой. А про рога у него нет ни слова. Ты ври-ври, да не завирайся!

– Может, тому королю просто с женой не повезло! – оскорбился гном. – А может, вру не я, а вовсе даже твой Гансен! Думаешь, просто так, кроме него, за последние пятьдесят лет с эльфами никто не встречался?

– Сэр Андерс Гансен был самым правдивым человеком в мире! Это у него наследственное от дедушки, Карла Фридриха Иеронима фон...

– Ладно, хватит! – прервала нашу перепалку Глори. – Двое «за», один «против», а я...

Узнать, какой же стороны придерживается моя супруга, нам в тот раз было не дано. На дороге возникло порядочное облако пыли, с каждой минутой приближающееся к нам.

– Три человека, верхом, – прищурившись, объявил Бон. – Славно скачут!

Парень оказался прав. Уже через пару минут мы могли созерцать трех верховых. Едущий впереди франт в роскошном охотничьем костюме осадил своего драконозавра и, сняв изящный берет с пером, отвесил нам поклон.

– Очаровательная госпожа! Судари! Доброго вам дня и приятного аппетита!

– Благодарим, и вам доброго дня и доброй дороги, – ответил Бон, вернув поклон.

– Ох, хотелось бы верить! – Расфуфыренный кавалер уже хотел было ехать дальше, но неожиданно почесал шею под пышным кружевным жабо, посмотрел на парня (как мне показалось, с тщательно скрываемым изумлением) и заявил:

– Вы не будете возражать, если мы разобьем свой лагерь по соседству? При виде вашей трапезы у меня что-то забурчало в животе.

– Присоединяйтесь, – гостеприимно махнул рукой я. – До Тилианы нам все равно всего этого не съесть.

– Вы направляетесь в Тилиану? Какая удача! Мы тоже. – Франт спешился и вновь поклонился: – Хуан де Ловер, маркиз де Маза Новва из Оргейла, – представился он, – более известный как Рыцарь Неистойой Ласки. Всегда к вашим услугам.

Интересное какое прозвище! Можно толковать весьма двояко, особенно если учесть, что на гербе маркиза, украшающем одежду всех троих, была изображена ласка, вытворяющая с собственным хвостом нечто совершенно противоестественное.

– А это мои добрые слуги Тибальдо и Меркуций. Несмотря на то что вышеупомянутые слуги лыбились в тридцать три крепких зуба, у меня отчего-то не возникло ощущения, что они столь уж добры. Скажу более: если этих увешанных оружием крепышей, в плоских касках и клепаных бригантинах, с холодными глазами профессиональных наемников, поменять местами со всей бандой Доцента, они бы смотрелись на большой дороге куда как уместнее.

Пока мы знакомились с Маза Новва, слуги, не дожидаясь приказа, принялись бодро распаковывать сумки, извлекая из них кувшины и серебряные судки со всякой всячиной.

– Скажите, господин маркиз...

– Просто дон Хуан, очаровательная леди. Титулы и чины – прах и мишура. Мужчину ценят отнюдь не за это, вы со мной согласны?

Глори едва заметно покраснела. Я чуть заметно побагровел. Глори и Бону (хотя последнее время от времени почесывал шею, вполголоса проклиная проклятушую мошкарку) беседа доставляла истинное удовольствие: они искренне смеялись над шутками маркиза с удовольствием угощались его деликатесами и вообще были довольны жизнью. Я же рядом с этим изящным кавалером «дважды де» чувствовал себя неуклюжим деревенским увальнем, заявившимся прямо из коровника на светский раут. В рабочей робе и с испачканной навозом лопатой в руках.

– Как вам будет угодно. Вы собирались двигаться сквозь Борзелианд или же в объезд?

– А, так тот лесной массив, что столь живописно синее вдали...

– Совершенно верно. Это он.

– Тогда позволю себе ответить вопросом на вопрос: как полагаете поступить вы?

– В момент вашего появления мы как раз раздумывали над этим, – ответил Бон. – И мнения разделились.

– Вот как? Но ведь, если я правильно помню карту, объездная дорога куда длиннее.

– Зато на ней нет эльфов! – фыркнул Римбольд.

– Да простит меня почтенный господин Каменный Кукиш, – иронично пожал плечами Рыцарь Неистойой Ласки, – но эльфы суть сказки, и я в них не верю. Нет, миледи Глорианна, мы поедем прямо. Если же вы чего-то опасаетесь, то я с радостью предлагаю вам свою помощь и защиту. Мои мальчишки – отменные фехтовальщики, да и сам я ношу рыцарские шпоры отнюдь не только по причине благородного происхождения.

– Спасибо, конечно, но мы с Боном, хоть и не рыцари, тоже кое-чего умеем, – хмуро фыркнул я, прежде чем Глори успела что-либо сказать.

– А по-моему, в компании маркиза нам будет и безопаснее, и веселее.

– А по-моему, четыре дня нам погоды не сделают.

– Ты же сам предлагал идти насквозь.

– Я передумал.

– С чего бы?

А действительно, с чего? Не хватало мне еще вслух признать, что я ревнивый болван или боюсь пресловутых рогатых эльфов.

– Знаете, Сэдрик, – дружелюбно подмигнул мне Маза Новва, – на моей родине говорят: «Если женщина чего-нибудь хочет, нужно тут же ей это дать. Иначе она пойдет и возьмет сама». Право же, мы не кусаемся.

Тибальдо и Меркуций заржали.

– А на моей родине говорят: «Баба чудит, а у мужика спину ломит!» – не согласился я.

– «Баба»?! «Чудит»?! – тихо прошипела Глори. О-хо-хо, я, как всегда, ляпнул не подумав. Теперь она из принципа поедет сквозь лес даже в гордом одиночестве.

– Что ж, – не стал спорить маркиз, – тогда кинем монетку. Ссуф рассудит. Меркуций, организуй!

Слуга подошел к Римбольду, провел кистью по его бороде и продемонстрировал зажатый между средним и указательным пальцами золотой.

– Орел – прямо, решка – в объезд. Бросай! Монета, сверкнув на солнце, взлетела высоко в воздух и шлепнулась на дорогу.

– Судьба, господа! – лучезарно улыбнулся Рыцарь Неистойой Ласки. – Судьба!..

Борзелианд был тих и светел. Солнце пробивалось сквозь листву, и казалось, что все вокруг даже не зеленое, а нежно-золотистое. Пели птицы, жужжали жуки, и ничего не предвещало неприятностей.

До тех пор, пока не закуковала кукушка.

– Кукушка, кукушка, – радостно крикнул Бон, задрав голову, – сколько нам спокойно ехать осталось?

– Ку! – прямо как в том анекдоте, сказала вредная птица и замолчала.

Мы рассмеялись, хотя и достаточно нервно. С одной стороны, вряд ли птичка слышала вышеупомянутый анекдот. С другой – анекдоты тоже не на пустом месте рождаются, а кончался он, если помните, весьма и весьма печально. Но Бону все было нипочем. Он уже открыл было рот, чтобы возмутиться по поводу того, что «так ма...», как впереди раздался крик:

– Господин маркиз! Господи-ин!

Вслед за криком появился Меркуций, ехавший метрах в трехстах впереди основного отряда. Он нещадно шпорил своего драконозавра, но выглядел скорее удивленным и раздосадованным, чем испуганным. Поэтому я выпустил рукоять меча, за которую было схватился, а Бон ослабил тетиву арбалета.

– Что ты орешь, как полоумный? – поморщился Маза Новва, терзая кружева на шее. – Знаешь ведь, что не люблю.

– Простите, господин. Но только там дите.

– Дите... ребяенок в смысле.

– Какой ребяенок?

– Такой... маленький. На дереве сидит. Снедаемые любопытством, мы выехали на полянку.

На оной полянке на поваленном замшелом дереве действительно сидел ребенок лет пяти и увлеченно сосал палец.

– Привет, малыш! – улыбнулась Глори. Ребенок – из-за длинных льняных волос, закрывающих большую часть чумазой мордашки, трудно было понять, мальчик это или девочка – кивнул, не отрываясь от своего важного и ответственного занятия.

Глори слезла с Лаки, достала из седельной сумки румяное яблоко и протянула его малышу. Фрукт тот сграбастал, но палец явно был вкуснее.

– Меня зовут Глори, – представилась моя жена. – А тебя?

Чадо вытащило палец изо рта, кивнуло и улыбнулось.

– Ты тут живешь? Новый кивок и улыбка.

– Один?

Неопределенное пожатие плечами.

– Сударыня! – Маркиз тоже спешился и подошел поближе, – я весьма тороплюсь. Не продолжить ли нам путь?

– А ребенок?

– А что ребенок? До нашего появления он чувствовал себя великолепно. Больше чем уверен, что его папаша-лесоруб просто оставил крошку поиграть, пока сам работает.

– Вы когда-нибудь слышали, как в лесу рубят дерево? – поинтересовался я.

Меня окинули явно презрительным взглядом и пожали плечами:

– Да нет, знаете ли. Как-то не доводилось. А что?

– А то, – с трудом удерживая себя в рамках приличия, ответил я, – что этот процесс довольно громкий. Как вы считаете, могла ли на всех нас семерых одновременно напасть перманентная глухота? Ребенок явно потерялся, а в лесу полно хищных зверей.

Щека Рыцаря Неистойой Ласки дернулась:

– И что вы предлагаете? – холодно спросил он. – Тащить этого щенка с собой?

– Для начала – остановиться и поискать его родителей, – так же холодно ответила Глори. – Вряд ли они далеко ушли. А если вы так торопитесь, то не смеем вас более задерживать!

– К сожалению, смеем, – заявил Маза Новва, одним движением оказавшись у моей спины за спиной и приставив к ее горлу кинжал. Тибальдо и Меркуций тут же выхватили мечи.

– Как это понимать?! – возмутился Римбольд. – Неужели дворянин опустится до вульгарного разбоя?

– Ни в коей мере, – гадко усмехнулся маркиз. – Конечно, кое-что из ваших пожитков, равно как и драконозавров, мы потом заберем... Кстати, велите им вести себя прилично. Я не хотел бы испортить свой костюм кровью вашей подруги.

– На место, ребята, – приказал я драконозаврам. Потом пристально посмотрел в глаза мерзавцу и буднично пообещал:

– Я тебя убью.

– Это вряд ли, – не согласился тот. – Для начала вы тихо и спокойно сложите оружие и позвольте моим мальчикам себя связать.

Что нам оставалось делать? Мы подчинились и уже через несколько минут стояли, привязанные к деревьям.

– Хотел я сделать это чуть позже, – заявил маркиз, – когда мы остановимся на ночлег, но так тоже неплохо получилось. Поверьте, в моих действиях нет ничего личного...

– Ага, ты так развлекаешься, – хмыкнул я.

– Почти. Скажите, Бон, вас не удивлял странный зуд в области шеи, начавшийся сразу после нашей встречи?

Парень рефлексивно дернулся, явно пытаясь прикоснуться к своему шарфику.

И тут я понял. И почему наш игрок и Маза Новва чесывались, а мы все – нет, и почему Рыцарь Неистойой Ласки, несмотря на жару, прятал шею за кружевами, и даже почему он так настойчиво набивался к нам в сопровождающие через безлюдный лес.

Как оказалось, понял не я один.

– Что, господин маркиз, не хотите ни с кем делиться прекрасной дриадой? – Если бы интонации могли убивать, от тона Глори негодяя тут же посетил бы Старичок Контратий.

– Дриада, конечно, была хороша, – мечтательно причмокнул тот, – но как жену я ее не рассматриваю. А вот избавиться от бешеного каштана и впрямь не против. В таком деле, как вы понимаете, конкуренты мне не нужны.

– А если бы монетка вашего слуги легла другой стороной? – поинтересовался Римбольд. Вся троица заржала.

– То ничего бы не изменилось! Меркуций, покажи нам свою замечательную монету.

– Не стоит. У меня тоже была такая когда-то. На ней обе стороны абсолютно одинаковые, так ведь?

– Именно! Даже жаль убивать такого сообразительного юношу. Но придется. Мальчишки...

Маркиз взмахнул надушенным платочком.

Меркуций и Тибальдо вновь обнажили мечи и сделали шаг вперед.

Глори посмотрела на меня.

Я – на нее.

Бон плюнул в сторону маркиза.

Римбольд зажмурился.

Ребенок, сидевший на дереве, негромко свистнул.

Из кустов вылетели три камня.

Все три попали в цель.

– Да, – протянула Глори, глядя на распростертое у ее ног тело Маза Новвы, – как и все книжные мерзавцы, он слишком много трепался...

Потом из кустов вышли трое. Все были вооружены пращами и деревянными мечами. Все одеты в несусветную рванину. Все с ног (босых и давно немых) до голов (лохматых и еще более немых) увешаны браслетами и ожерельями из камешков, палочек, перышек и прочей мелкой дребедени. Все, по моим прикидкам, находились в возрастном промежутке от четырнадцати до семнадцати лет. А еще все они были девчонками.

– Здравсьте-здасьте! – мотнула патлами идущая первой, шмыгнув носом. – Я – Арагор-ночка, это – Леголасочка и Феанорочка. С Орландоблумом вы, как я погляжу, уже познакомились. Всем чмоки и все такое.

– С кем?..

– Ну ни фигя себе! – возмутилась та. – Он их, понимаешь, от смерти спасает, а они даже не знают, как его зовут!

– Засохни, Горн! – посоветовала Леголасочка. – Неча понты кидать во все стороны. Это ж цивилиы, им тихого трепа не дано. – Мяф! Правда твоя, Ласка, – признала девчонка. – Все время забываю. В следующий момент я самым наглым образом откололся от коллектива. Потому как друзья и даже драконозавры уставились на малыша, вновь начавшего посасывать палец, а я – на девчонок.

– Эльфы! – только и смог вымолвить я.

Все три девчонки скорчили такие рожи, будто я предложил им распить бутылочку «Кошмара» (а худшей дряни в этом мире еще не придумали). Орландоблум оказался более сдержанным – просто вытащил изо рта палец и неодобрительно покачал головой.

– Значица, так, – шаркнула ножкой Феанорочка. – Мне, конечно, по развитию до Орландо – как до океана на четвереньках, и ежели он в вас что-то нашел, то так оно и есть. Но если кто-нибудь из вас еще скажет при мне это слово вслух...

– Вот! – триумфально воскликнул Римбольд. – А вы мне еще не верили! Никакие это не э... не они! – торопливо поправился гном, вспомнив предостережение. – Потому что те – с рогами!

Все – кроме Орландоблума и драконозавров – захохотали. Девчонки так просто рухнули на землю и задрыгали ногами.

– Ой, держите меня двое! – простонала Арагор-ночка. – Ну ляпнул! Одно слово – гном!

– Орландо! – вторила ей Феанорочка. – Как ты считаешь, у нас есть рога?

Орландоблум почесал в затылке, потом приставил ко лбу два растопыренных пальца и громко сказал:

– Му-ууу!

– Так, значит, вы все-таки...

– Мы – елфы! Все запомнили? Е-Л-Ф-Ы!

– Но сэр Андерс Гансен...

– ...глухой, как пень! Да и выдумщик знатный. Мы над ним тока чуток пошутили, а он вон чего понарасказывал! Дивные, дескать, прекрасные, свет из глаз, и все такое. Спасибо хоть, не малюточки со стрекозиными крылышками! Которые в цветочках живут, на шмелях летают, и это... на Дюймовочках женятся!

– А кто такие Дюймовочки и почему мы должны на них жениться? – удивилась Леголасочка.

– А я почем знаю! Так, на ум пришло. Уж больно звучит гнусно...

– С рогами, значит? – хмыкнул Бон, пихая Римбольда в бок.

– Самый правдивый человек, значит? – хмыкнул Римбольд, пихая в бок меня.

Мне тоже очень захотелось кого-нибудь пихнуть. Я и пихнул. С превеликим удовольствием. Ногой. Пришедший было в себя Маза Новва вновь погрузился в беспамятство.

– Соображаешь! – одобрила мой поступок Феанорочка. – Мы щас будем страшные тайны открывать, и им их знать совершенно ни к чему...

Сколько им лет, елфы сказать затруднялись. Но то, что много, знали наверняка. По крайней мере, появление гномов они помнили превосходно, хотя никаких кровопролитных войн между ними не было и в помине, поскольку любая жизнь для елфа священна и отнять ее он не может физически. Даже железа не признавали – отсюда и деревянные мечи. Что до рога-того черепа, хранящегося в сокровищнице Стоунхолда, то он принадлежал какой-то зверушке, выведенной оргейлским вивисектором Павлоффым.

Самым старым и мудрым среди ныне живущих елфов оказался Орландоблум, в своем духовном развитии дошедший до состояния ребенка и практически отказавшийся от обычной речи. Как оказалось, у них в этом отношении все наоборот: они пришли в этот мир стариками и в течение веков неуклонно молодели. До тех пор, пока окончательно не теряли телесную форму, обращаясь в свет. Вот чужаков, или «цивилов» (от слова «цивилизованный»), к которым относились все неелфы, они действительно не жаловали, хотя регулярно развлекались, распуская среди них всеразличные байки и легенды. С другой стороны, многому новому и полезному «цивилов» научили тоже они.

В ответ на эту увлекательную историю мы поведали свою. Честно и без утайки.

– Бешеный каштан, говорите? – задумчиво протянула Феанорочка. – Орландо, ты как? Потянешь?

Тот почесал кончик носа, подошел к Рыцарю Неистойой Ласки и растянул его кружевной воротник. Легкое движение – и пухленький детский кулачок уже сжимает страшный плод, извлеченный из человеческого тела. Маркиз же даже не пошевелился.

Ураган, вихрь и метеор по сравнению с движениями Бона выглядели медлительными, как калечная улитка.

Сорвав шарфик, он возник на коленях перед елфом, молитвенно протягивая к нему руки.

Орландо прищурился и покачал головой. Потом обернулся к остальным елфам.

– Не сердитесь, – «перевела» его безмолвную речь Леголасочка. – Для него раз плюнуть – вытащить эту штуковину, но изменить судьбу...

– Значит, я обречен? – еле слышно прошептал парень.

Новый обмен взглядами – и Леголасочка улыбнулась:

– Он говорит: «Каштан будет извлечен, когда живой камень получит свободу, двое восстановят былую дружбу, а изменившееся станет прежним».

– И что это значит? – В голосе Бона сразу прибавилось бодрости. Девчонка пожала плечами:

– Знаете, в чем заключается самая страшная тайна элфов? Мы сами ни фига не понимаем в своих знаменитых пророчествах!..

Глава VII,
в которой рассказывается о том,
что бывает, когда двое взрослых мужиков
отправляются спасать маленького ребенка

– А-ааа! Укьяи-и! О-ооо! Ы-ыы!

Девочка, сидевшая перед одиноко стоящим домом, размазывала грязным кулаком по мордашке слезы и голосила так, что даже Изверг немного попятился.

Увидев, что мы остановились, рева на мгновение замолчала, окинула нас быстрым взглядом и заголосила пуще прежнего:

– У-ууу! Зыы-ые! Укьяи-и!

Ветерок вылез вперед и потешно замотал ушами. Рев тут же прекратился.

– Звей! – заявило чадо, хозяйским жестом цапая драконозаврика за нос – Хаосый!

Ветерок ничуть не возражал ни против первого, ни против второго утверждения. Он еще раз помотал ушами и осторожно лизнул девочку в щеку, вызвав счастливый смех. Когда же Глори достала из кармана кусочек сахара, о недавней трагедии напоминали лишь разводы грязи на левой, необлизанной щеке малышки.

– Как тебя зовут?

Девочка демонстративно засмущалась и принялась пересыпать песок из руки в руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.